

ВЛАДИМИР САВЧЕНКО

•
**НАВСТРЕЧУ
ЗВЕЗДАМ**

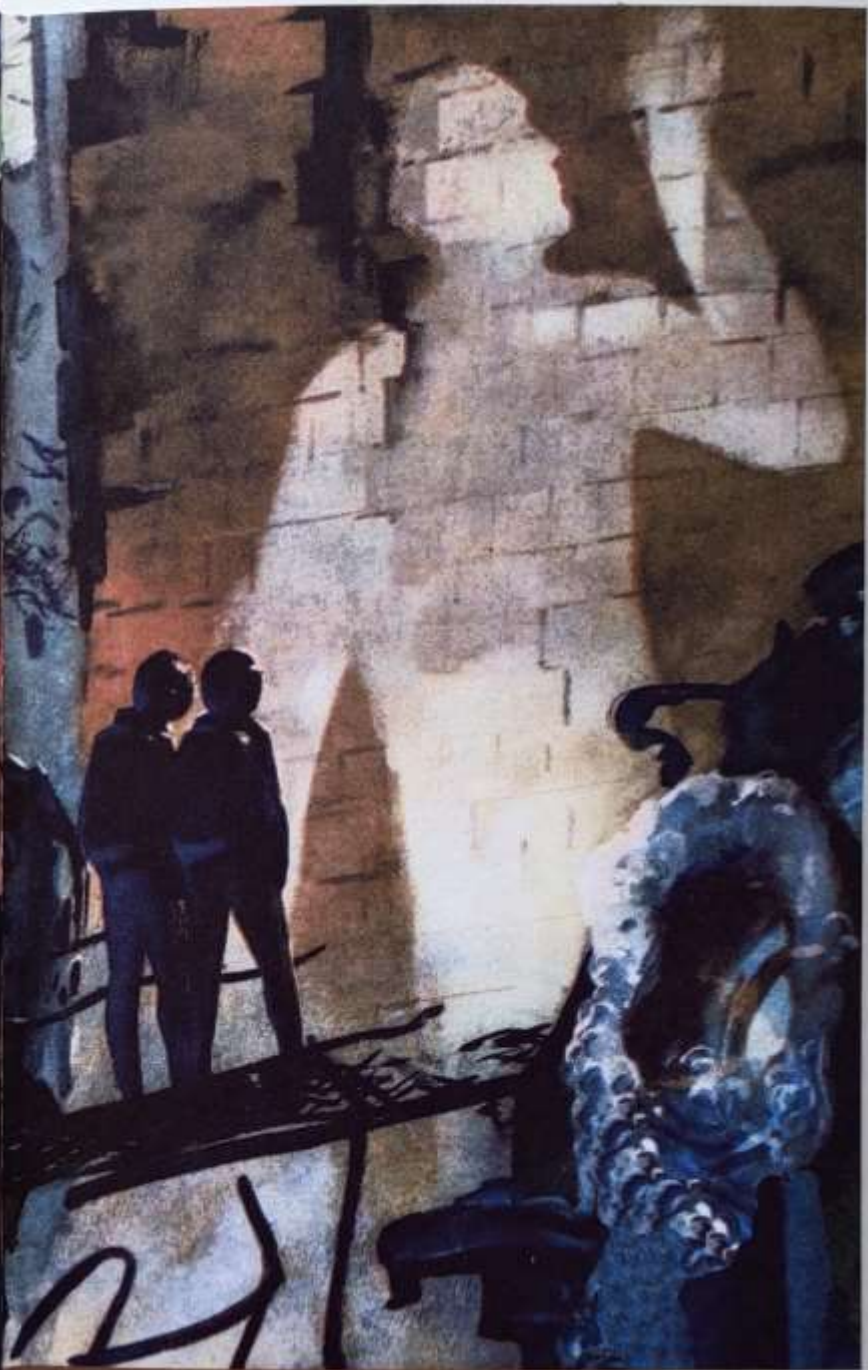

ВЛАДИМИР САВЧЕНКО
**НАВСТРЕЧУ
ЗВЕЗДАМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА, 1974

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
САВЧЕНКО

НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ

*Фантастические повести
и рассказы*

Книжный клуб «СПУТНИК™»

2023

НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ

Фантастический рассказ

Художники

В. Носков

А. Соколов

А. Александров

Навстречу Звездам

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В основу этого рассказа положена одна из наиболее поразжающих воображения научных идей. Многие читатели встретятся с данной областью, вероятно, впервые, однако это обстоятельство не мешает пониманию ими описанного в рассказе события. С другой стороны, более близкое знакомство с соответствующими научными положениями было бы, несомненно, для большинства наших читателей желательным и интересным. Поэтому редакция помещает после рассказа, в качестве комментариев к нему, статью «ПОБЕДА НАД ПРОСТРАНСТВОМ И ВРЕМЕНЕМ», в которой даны некоторые разъяснения.

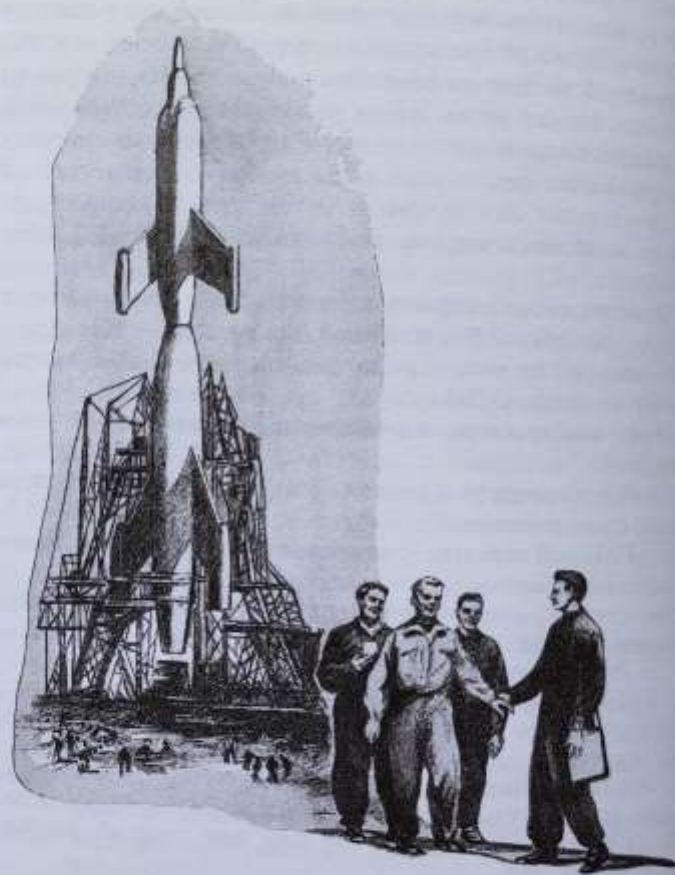
Не все в рассказе справедливо. Однако редакция оставила в нем некоторые научные неточности, не противоречащие его основной идее, так как устранение их нанесло бы скучной стороне рассказа ущерб. Известные преувеличения допустимы и бывают необходимы в фантастике; в данном случае они для ясности специально оговорены в комментариях.

1. СТАРТ

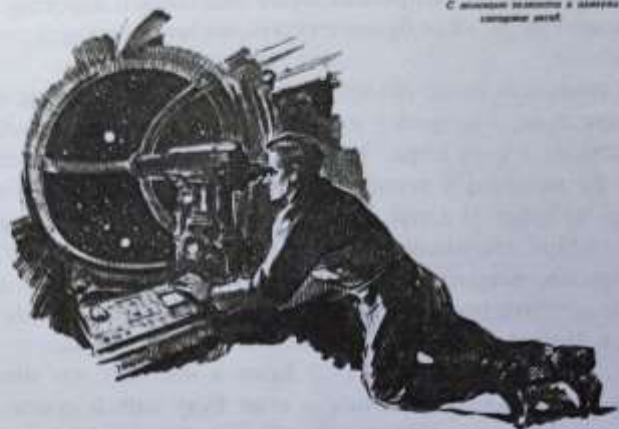
СВЕТОВАЯ полоска медленно ползла по шкале приемника. Эфир по-воскресному был наполнен до отказа. При малейшем смещении полоски из динамика вырывались звуки новых станций: слова, музыка, потом снова слова, но уже на другом языке. В последние известия вмешивались фокстроты, внушительная речь обозревателя прерывалась опереточной арией. Наконец, полоска доползла до отметки 25,7 метра и остановилась. Из приемника поплыли величественные звуки органа — католическая радиостанция передавала богослужение.

Человек, сидевший у приемника, начал задумчиво постукивать по столу небольшим камертоном. Когда с его тоном совпадали звуки органа, камертон отзывался на высокой ноте, и человек ставил на бумаге значки. Продолжительные звуки он отмечал черточками, короткие — точками. На листке появился телеграфный текст. Музыка кончилась. Человек выключил приемник и прочел:

*«Любыми путями сорвите полет Ильина. Действуйте.
О. Игнатий».*

С помощью телескопа в камере
записаны кадры

И как же громады расстояния между этими сверкающими мирами, если до сих пор Созвездия не исказились! Точнее говоря, искажения незаметны на глаз. Но с помощью телескопа и небесных карт легко установить, что ближайшие звезды переместились: Альфа Центавра почти на полградуса, Сириус примерно на четверть градуса, остальные, — конечно, меньше. Полградуса — это видимый диаметр Луны, величина заметная. Все ближе звезды смещаются в одном направлении — к созвездию Овна, где должна быть видна яркая оранжевая звезда — Солнце. Должна быть видна, но я ее не вижу. Солнце позади, и ослепительные газы заслоняют его.

2.10.77. Сегодня твой день рождения, Юлька. Тебе исполнилось 26, мне уже скоро 40. Между нами была большая разница в возрасте, теперь прибавилась разница и в местожительстве — каких-нибудь 700 миллиардов километров. Но мысль покрывает их легко. Сегодня я посвятил день воспоминаниям.

Помнишь, как нас познакомил в своем кабинете директор Института? Ты вела себя так задорно, почти невежливо... Теперь я понимаю — это было от смущения. Но когда ты ушла, я сказал директору: «Почему вы даете мой аппарат на испытание этой взбалмошной девчонке? Вы нарочно хотите

19.10.77. 6 ч. 00 м. За последние часы заметно изменилось небо. Сзади почти темно. Вижу отдельные тусклые звезды, какие-то мутные обширные туманности. Впереди, наоборот, — сияющее великолепие, пятна светящегося газа, звездные облака. Кажется, что все небо фосфоресцирует. Это все эффект Доплера, доведенный почти до предела. От звезд, находящихся сзади, я воспринимаю только крайние рентгеновы и гамма-лучи, немногочисленные, связанные с редкими

высокими температурами. Звезды, находящиеся впереди, я вижу в инфракрасных лучах. Мне видны самые холодные, тускло светящие и даже темные тела.

20.10.77. Снова и снова думаю, что же произошло в двигателе. Забраться туда опасно — велика температура, слишком много радиоактивных атомов. Надо выждать.

Итак, был у меня атомный нагреватель — урановый реактор нагревал аммиак. Если бы увеличилась подача аммиака, запасы его давно кончились бы. Стало быть, с подачей было все в порядке. Произошло что-то иное с самим урановым реактором. Я не смог его выключить, не смог регулировать.

Но, обломившись, они остались тут же в камере. Ход реакции изменился, и я потерял возможность управлять ею.

Значит, диверсия. Не могу понять, не могу поверить. Но твердо помню — не было в проекте этих гнезд. Откуда они взялись, кто их сверлил? Впрочем, некогда думать. Сейчас — за ремонт.

30.10.77. Час спустя.

Ремонт! Да ведь он не нужен, даже вреден.

Буду рассуждать последовательно.

Я лечу от Земли со скоростью, близкой к скорости света. Прежде всего, мне нужно эту скорость погасить. Залетел я невероятно далеко. Пока погашу скорость, улечу еще дальше. Чтобы вернуться на Землю, летая с обычными для ракеты скоростями, мне понадобятся многие годы. У меня не хватит ни времени, ни воздуха, ни пищи. Значит, желательно затормозить, повернуть, вновь разогнаться до скорости света, проделать с этой скоростью основную часть пути, а затем еще раз затормозить, приближаясь к солнечной системе. И так, двигатель должен трижды проделать ту работу, которую он уже сделал без спросу.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КОСМОНАВТИКИ

Ильин вошел внутрь, поднялся по широкой лестнице. На площадке высился бронзовый памятник. Ильин всмотрелся — и сердце его застучало глухо и часто. Он медленно, стараясь не обратить на себя внимание, пересек улицу и подошел совсем близко к памятнику.

На пьедестале, выполненном в виде ракеты, стоял он, Ильин, таким, каким он был в день отлета. В комбинезоне, без шапки, лицо спокойно смотрело в небо. Бронза и мрамор сверкали в лучах солнца. На цоколе были выбиты буквы:

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ИЛЬИН
Пионер Космоса
1938 — 1977 гг.

Кровь бросилась в лицо. Ильин, чтобы успокоиться, стал считать пульс... Значит, не забыли. А он, чудак, думал... Эх, как бьется сердце — 100 в минуту!.. Ну, что ж — приятно поглядеть на собственный памятник. Только дату придется, конечно, исправить. В 1977 году он не умер.

На втором этаже Ильин повернул в тихий прохладный коридор. На дверях висели таблички: «Кафедра астронавигации», «Физическая лаборатория», «Кафедра реактивной техники», «Кафедра радиотелеуправления»... Очевидно, в этом здании работали не только исследователи, но училось и молодое поколение космонавтов. Такого Института не было 12 лет тому назад.

Ильин рывком открыл дверь. Желтая от солнца аудитория амфитеатром уходила кверху. Сотни юношеских глаз внимательно глядели на кафедру, где стоял постаревший, грузный и обрюзгший Рюмин. А в президиуме за столиком сидела высокая женщина с седой прядью в пышных волосах. Когда дверь скрипнула, она обернулась, вскрикнула, оперлась руками о стол и начала вставать... так медленно, так медленно...

Аудитория недовольно загудела. Рюмин нахмурился, глянул через плечо...

И вдруг резкий крик, вопль боли и ужаса пронесся по залу.
— Зачем? Зачем?

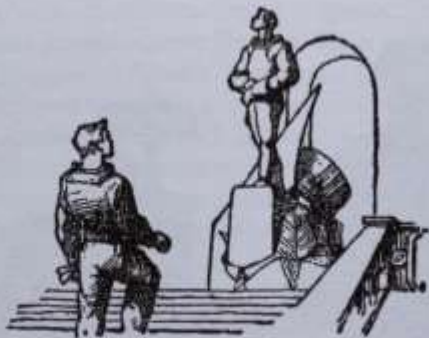

...Что бы ни случилось — и жив, значит, обязан работать...
К рассказу «Навстречу звездам»

Рисунок А. АЛЕКСАНДРОВА

Схватившись рукой за сердце, Рюмин стал сползать на пол. Сбежавшие вниз слушатели увидели лежащего на полу лектора и наклонившегося над ним человека, который стал идеалом в их жизни. Казалось, он только что сошел с памятника — такой же худощавый и в комбинезоне. Только человек этот был совершенно седой.

ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Научно-фантастическая повесть

Художники

А. Соколов

Н. Гришин

В. Шевченко

О. Ильяшенко

ВЛ. САВЧЕНКО

ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Научно-фантастическая повесть

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1960

Текст:

Вл. Савченко ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ
(авторский сборник)

М.: Детгиз, 1960 г.

Иллюстрации А. Соколова из авторского сборника

Вл. Савченко «ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ»

М.: Детгиз, 1960 г.

Иллюстрации Н. Гришина из журнала «Знание—сила»,

1957 г., № 12.

Иллюстрации О. Ильяшенко (О. Ильяшенко) из журнала

«Знания та праця», 1958 г., №№ 3–12

Иллюстрации В. Шевченко (В. Шевченка) из авторского сборника

Вл. Савченко «ЧОРНІ ЗОРІ»

Дитвидав УРСР Київ, 1959 г.

тарьян для него
вали их прутья
жмотел в ту же
зигути старин
во зимой, прот
маленькие, сам

ся новым жм
собирал, расст
в Пушкино, по
измерений б

бо; ситуом, по
яло двусты
в саду и дша
мостовой, сп
: 6 часов 45 м
шел в панты
неба в обста
чью. Завстн
сь слева к пр

ожулиру талн
и, но внешне тер
ное, продолж
Георгиевич не ср
пряженным тл
заслонил рам
и не светилсь
Степан Геор
и шли кушн
лся к северу и
большим мет
стящегося мет
ю определял др
быстро повер

Руки действовали умело и привычно; когда объектив телескопа дошел до хвоста следа, руки быстро выключили мотор и начали крутить рукоятку ручной подачи вдогонку за следом. Небо уже посветлело, и Дрозд смог рассмотреть снова всплывшее в объектив темное продолговатое тело. Было трудно координировать движения: ведь перевернутое изображение тела в окуляре телескопа несло не в ту сторону, куда двигалась труба. Вот труба дошла до упора и остановилась. Тело исчезло...

Степан Георгиевич был немолодой рядовой сотрудник рядовой обсерватории. Он давно, еще до окончания университета, убедился, что в астрономии гораздо больше черновой работы — ремонтной и вычислительной, — чем наблюдений, и несравненно больше наблюдений, чем открытий. Он имел неподалеку от обсерватории домик, сад, семью, не любил выпячиваться впереди других и даже в глубине души был уверен, что, хотя он и астроном, звезд с неба хватать ему не суждено.

Если бы мы имели возможность посмотреть на нашу планету со стороны, то увидели бы приблизительно следующую картину: в пространстве вращается огромный земной шар, а вокруг него описывают замысловатые петли два маленьких черных тела. Эти петли — траектории спутников, — образно говоря, наматываются на планету, как нити на шпульку, не задевая оси Земли. Можно легко заметить, что смещение этих петель связано с вращением Земли.

Что это значит? Несложный анализ показал нам, что на спутники действует Кориолисова сила. Та самая Кориолисова сила, которая у нас, в Северном полушарии, подмывает правый берег рек, сильнее изнашивает правый рельс и помогает лекторам доказывать вращение Земли; та сила, которая сдвигала траектории спутников МГТ, запущенных не по параллели. Эта Кориолисова сила действует на все тела, сохранившие инерцию земного вращения, то есть на тела земного происхождения. Величина ее

И, наконец, в течение одного дня по планете распространилось то, что позже журналисты назвали «цепной реакцией подозрительности и напряженности». Неизвестно, кто первый выпустил эту сенсацию, но ни одна западная газета, ни одна радио- и телевизионная компания не оказались в хвосте у других. Черными буквами заголовков грянуло сообщение:

НАД ЗЕМНЫМ ШАРОМ КРУЖАТ АТОМНЫЕ СНАРЯДЫ!!!

Во многих странах оно произвело такое действие, будто снаряды уже упали там и взорвались...

Снаряды можно было видеть уже не только при восходе или на закате солнца — радиолокационные измерения показали, что они снизились до 70 километров. В ясном небе невооруженным глазом можно было увидеть маленькие черные пульки. Они прочерчивали небо, как реактивные самолеты; днем за ними оставался сине-голубой след раскаленного воздуха, ночью — тонкая серебристая нить, которая медленно таяла.

Сами снаряды по-прежнему оставались темными. Предположение, что они раскалятся от трения о воздух и сгорят, не оправдалось.

За сутки они дважды облетали все материки Земли, как бы предоставляя возможность еще раз посмотреть на них.

Ученые предполагали, что снаряды упадут в Северном полушарии: именно здесь был перигей спутников и здесь они сильнее всего тормозились атмосферой. Северная, наиболее населенная часть Земли... По расчетам, первый снаряд должен упасть через две или три недели, когда его скорость уменьшится до 7,8 километра в секунду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДНЕВНИК ИНЖЕНЕРА Н. Н. САМОЙЛОВА

Наблюдения астрономов, равно как и сенсационные газетные сообщения, отражают только внешние эпизоды этой истории. К сожалению, не все события, связанные с ней, могут быть описаны полно: часть сведений вместе со многими очевидцами погибла в пыли двух атомных взрывов, часть еще надежно хранится за семью замками секретности.

Достаточно связанное, но неполное изложение этих событий можно найти в дневнике тех лет Николая Николаевича Самойлова, ныне крупного специалиста в области ядерной техники, а тогда молодого инженера, только что окончившего институт. Вот эти тетради, написанные неровным почерком человека молодого и увлекающегося.

Но ядерная энергия — явление иного порядка; она возникает благодаря изменению состояний не электронов атома, а частиц самого ядра — протонов и нейтронов, — которые, как всем известно, связаны в миллионы раз более прочными силами. Потому-то она создает температуру в миллионы градусов и радиацию, проникающую через стены из бетона в несколько метров толщиной. И обычное вещество слишком непрочно, слишком ажурно, чтобы противостоять ей...

Говорят о «веке атома», но ведь это неправильно! Наше время можно назвать только временем применения ядерной энергии, причем применения очень несовершенного. Возьмите откровенно варварское «применение» ее в виде ядерных бомб. Возьмите примитивное в своей сложности использование делящегося урана и плутония в реакторах первых атомных электростанций. Ведь это смешно.

При температуре в несколько сот градусов используют энергию, заставляющую пылать звезды... Но мы не можем добиться ничего большего с нашими обычными материалами. Таким образом, будущее ядерной техники — и, должно быть, самое недалекое — зависит от того, будет ли найден материал, который мог бы полностью противостоять энергии ядерных сил и частиц. Очевидно, что такой материал не может состоять из обычных атомов, скрепленных внешними электронами.

прохо-
азались
атома
шались
и вверх
йчивые
лучали
титана,
ов ядра
льзаты,
к наме-
можно,
осуше-
если мы
зояные
ут пре-
т удер-
ромных
ысокой
табами

и шеп-
силта?

хоса, —
нергию
гойных
обыч-
то мы
стры
однике
атомов
кисло-
элек-
ргию,
юшес
туры.
нашим
овой.

они засекретили абсолютно все относящееся к этой проблеме, как в сороковых годах было засекречено все, относящееся к делению урана.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ, ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ

1 июля. Сегодня прочитал великолепную космогоническую гипотезу Тураева и хожу под ее впечатлением. Это не гипотеза, а научная поэма об умирающих «черных звездах».

Мы видим в небе светящиеся миры, красивые и головокружительно далекие. Но не видим мы гораздо больше, чем видим. Непрерывный миллионлетний ядерный взрыв — вот что такое звезда. И этот взрыв ее истощает. Звезды сжимаются, атомы внутри них спрессовываются, ядра соединяются друг с другом и выделяют еще большую энергию. Так получается ослепительно белая сверхплотная звезда — белый «карлик».

Звезда выделяет огромную энергию, говорится в гипотезе, но известно, что чем больше энергии выделяет система, тем устойчивее, прочнее она становится, тем плотнее и прочнее становится угасающий «карлик». В пространстве Вселенной есть немало умерших звезд — огромных холодных солнц из ядерного вещества. Может быть, они дальше ближайших видимых звезд, а возможно, и ближе — ведь мы их не видим.

А мы собираемся получить в нашей лаборатории кусочек умершей звезды... Да дело даже не в звездах; ведь это будет идеальный новый материал — сверхпрочное, сверхинертное вещество ядерного века. Атомные реакторы, сделанные из нейтрида, будут не бетонными громадинами, а размером с обыкновенный бензиновый мотор. Ракеты из нейтрида смогут садиться прямо на поверхность Солнца, потому что 6000 градусов для нейтрида — это прохладно. Резцом из нейтрида можно будет резать, как масло, любой самый твердый металл. Тонкая броня из нейтрида сможет выдержать даже атомный взрыв... Танк из нейтрида проникнет на сотни и тысячи километров в глубь Земли, ибо высокие температуры и давления ему не страшны... Уф-ф!

с трубочкой дозиметра радиоактивности на груди — включил мезонатор. Неугомонный Яшка шепнул мне: «Обстановочка... Впору молебен...», но даже Оксана не прыснула, а покосилась на него строго.

Вот в перископе возник лучик отрицательных мезонов — этих осколков атомных ядер. Голуб поднялся на мостик, взялся за рукоятки дистанционных манипуляторов, попробовал трюки, уходящие вместе с трехметровыми подвижными штангами в бетон, точно и мягко передавали все движения его кистей на стальные пальцы в камере. Мы, стоя внизу, увидели в рас-

трубе перископа, как стальные пальцы подвели под мезонный луч фарфоровую палочку с кусочком олова. Потом Голуб спустился с мостика, посмотрел в перископ:

ые
их

одного
и пуч-
персалл
оразназ.
только,
живацко

нул
Окс
не с

кий
ях,
ные,
шо!

комитов
силли
заст
тния

прозо-
мно
расблуг-
ским.

желючно
рад
с по
чалветил

Из
плячаем.
затр
в о
чер
лен
и кр

яются
мзьво.

В лаборатории тоже как-то смутно. Когда исследования не ладятся, люди начинают сомневаться в самых очевидных вещах; они перестают доверять своим и чужим знаниям, перестают доверять друг другу и даже начинают сомневаться в справедливости законов физики... Последние недели Иван Гаврилович что-то нервничает, придирается к малейшим неточностям и заставляет переделывать опыты по нескольку раз.

Облучили все вещества таблицы Менделеева, кроме радиоактивных элементов, облучать которые нет смысла: они и без того неустойчивы. Становится скучно. В лаборатории все, даже Голуб, как-то избегают употреблять слово «нейтрид».

папи-
сулами

и.
к крас-
дал ему

в Дне-
на вст-
ленные
вспоми-
можно
ли они

сильно
ые веки.

оридоре.
ектрофи-
дая руку,
полупро-
Смотри,
гебе тоже
надаштой
что при-
м, пока!

получится.
Пожалуй,
я полезли
рует.

...В науке, как и в жизни, вероятно, следует всегда идти до конца. Идти, не сворачивая, каким бы этот конец ни оказался. Пусть мы не получим нейтрид — все равно. Зато мы докажем, что этим путем получить его невозможно. И это уже не мало: люди, которые начнут (пусть даже не скоро) снова искать ядерный материал, сэберегут свои силы, будут более точно знать направление поисков. И наша работа не впустую, нет... Нейтрид все равно будет получен — не нами, так другими. Потому что он необходим ядерной технике, потому что такова логика науки. А научные «кормушки» пусть себе ищут Якины...

Мы медленно идем по программе: приближаемся к облучению самыми медленными, тепловыми мезонами.

18 мая. Сегодня Голуб накричал на меня. Произошло это вот как. Он показывал мне свои расчеты «задачи о нейтриде». Там у него получилось что-то невразумительное — будто бы ядра тяжелых атомов типа свинца вступают при облучении

тики:
очис
крат-
мате-

етиче-
ственно,
сказать
одного
не сто-
да тру-

увульс
и меня,
дошел.

скрен-

— резко

с ним
мисхали
до твое

совер-
ствами,
атомов,

частни:
ш и так
гамма-
стремов
инцовая
«диовак-

Найдеш-
эргия —

31 июля. Все уменьшается или увеличивается в миллионы раз. Теплопроводность нейтрида в несколько миллионов раз меньше теплопроводности, скажем, кирпича; мы нагревали пленку с одной стороны в пламени вольтовой дуги несколько часов и так и не смогли измерить сколько-нибудь значительное повышение температуры на другой стороне...

Теплоемкость нейтрида в сотни миллионов раз больше теплоемкости воды; нагретый краешек этой же пленки мы в течение двух дней охлаждадали «сухим льдом», жидким азотом и чуть ли не целой рекой холодной воды. Но он запас миллионы больших калорий тепла и не отдавал их.

Наш так называемый «здравый смысл», воспитанный на обычных представлениях, на обычных свойствах материалов, протестует против таких цифр и масштабов. Мне было физически мучительно держать на ладони наш второй образец — кружок пленки нейтрида, неизмеримо тонкий, — и чувствовать, как его десятикилограммовая тяжесть невидимой гирей напрягает мускулы! Мало знать, что это

который состоит из ядерных частиц, в тысячи раз меньших атома, такие пленки получать можно...

Его мы убедили, но все-таки как же мы будем контролировать толщину этих пленок? Инструментами, которые состоят из атомов?.. Вот что: нужно обдумать анализ с помощью гамма-лучей. Пожалуй, так...

(Дальше в дневнике Самойлова следуют эскизы приборов, схемы измерений и расчеты, которые мы опускаем, так как не все в дневнике инженера может быть доступно читателю.)

ронил:
в один
э-мосму,
шние.
стически
любую
комочек
иа!
ками. —

продумал
во. Одна
х. Он до
е на лоб-
тянул ее

е пленка
яете. Вот,

а обрубок
ел пленку

Он подал

к, торже-

дуатомные
морально-
бонервных

сы. Потом
од ремеш-
Затем раз-
не провел

нуть.
рот, чтобы

Черная широкая лента вошла в руку. Какое-то мгновение край ее выступал с одной стороны, резко выделяясь на фоне белой кожи. Мучительно медленно (так показалось мне) пленка прошла через мясо и кость запястья и целиком вышла с другой стороны. Был миг, когда казалось, что она полностью отделяла кисть от остальной части руки. Потом пленка плавно вышла с другой стороны. Доли секунды, застав дыхание все ждали, что вот сейчас кисть отвалится и хлестнет кровь.

— Хорошо. Микрофон!

— Есть!

Связной нырнул головой в палатку и через мгновение выкатил из нее портативную радиоустановку. Профессор подошел к микрофону.

— Внимание! Всем! — Голос его теперь звучал властно, лицо стало сердитым. — Доложить готовность стартовых установок!

— Ракета один готова! — прозвучал в динамике хрипловатый от помех бас.

— Ракетдватов! — единым духом отрапортовал звонкий юношеский голос.

— Ракета три — готов!

— Ракета четыре — готов!

— Так. Доложить готовность радионавигационных установок! — разнесли радиоволны по тундре голос профессора.

— Радиолокаторы наблюдения за спутником готовы!

— Радиолокаторы наблюдения за ракетами готовы!

— Радиоприцелы готовы!

— Слушать всем! Приготовиться к старту через сорок пять секунд по моему сигналу.

На радиоустановке замигала красная лампочка приема. Оператор, склонившись к щитку, переключил несколько рычажков. Теперь докладывали пункты наблюдения. У меня возникло ощущение, что они будто по цепочке передают спутник-снаряд из рук в руки.

— Спутник прошел сорок пятую параллель. Направление расчетное...

— Спутник прошел пятьдесят первую...

— Спутник прошел пятьдесят третью... Профессор взглянул на хронометр, кивком головы приказал оператору выключить прием. Не сводя глаз с пульта вычислительного устройства, мигавшего разноцветными путовками-лампочками, он нагнулся к микрофону:

— Внимание всем! — и будто выстрелил в микрофон: — Старт!!!

Вдали, на западе, ажурные стартовые вышки, снег и тучи осветились алыми вспышками. Я увидел,

автоматически сработали электронные взрыватели зарядов. Взрыв! Перед снарядом встала стена энергии, стена раскаленного света и газов...

На экране локатора все это выглядело так: всплески и светящаяся линия разбились на множество тонких зубчатых кривых, которые на несколько секунд заполнили весь экран, а потом исчезли. Из светящегося хаоса возник один всплеск и стал быстро перемещаться по экрану. Этого никто не ожидал.

— Снаряд падает! — воскликнул оператор, — Он не взорвался, он падает!

— Странно... — негромко сказал Голуб. — Почему же снаряд не взорвался?

Профессор пожал плечами:

— Возможно, это была просто испытательная болванка, а не боевой атомный снаряд...

— Товарищ генерал, — раздался голос в динамике, — спутник падает в квадрат «сорок-двенадцать».

— Ага! Ну, пусть приземляется... — Профессор снял папаху и подставил разгоряченную лысину морозному ветерку, потом позвал связного офицера: — Скомандуйте, пожалуйста, «отбой». Я покурю...

— Слушаюсь! — Офицер подошел к радиоустановке и весело пронел: — Группа, слуша-ай! Отбо-ой!

Мы смотрели на запад: посеревшие к сумеркам тучи быстро таяли, очищая огромный круг синего неба, на котором уже загорались звезды. Горячая взрывная волна, распространяясь к земле, испарила тучи. Вдруг почва под ногами упруго дрогнула.

— Спутник упал в квадрате «сорок-двенадцать»! — доложил тот же наблюдатель. Профессор повернулся к нам:

— Ну, Иван Гаврилович и... э-э... — Он посмотрел на меня, пытаюсь вспомнить мое имя и отчество, но не вспомнил, — и товарищ Самойлов, теперь выполняйте вашу задачу...

Однако пора и спать — первый час ночи. Завтра надо подняться с рассветом. Эх, я расписался сегодня! Впрочем, допишу уж до конца.

На нашу долю пришлось немного: посмотреть на упавший снаряд вблизи и с возможной достоверностью установить: из нейтрида он или нет? Сперва мы пролетели над местом падения на вертолете, но ничего не увидели: в квадрате «40-12» горела земля. Нагревшийся до десятков тысяч градусов от многодневного движения в атмосфере, да к тому же еще и подогретый вспышкой четырех ракет, снаряд грохнулся

в тундру, и почва на вечной мерзлоте, вместе с мохом и снегом, вспыхнула как нефть, не успев растаять. Уже наступила ночь. И в темноте этот гигантский костер огня, дыма и пара освещал равнину на километры во все стороны; даже сквозь шум винтов был слышен треск горячей почвы и взрывы пара.

Потом мы немножко поспорили с Иваном Гавриловичем, но я все-таки убедил его, что идти нужно немедленно, сейчас — ведь снаряд может проплавить почву на десятки метров в глубину, ищи его потом! Словом, мы приземлились, я надел скафандр и направился к «костру».

Идти было нелегко: в скафандре стало душно, его тяжесть давила, баллончики с кислородом колодили по спине, а перископические очки давали неважный обзор. Словом, конструкцию скафандра, наверное, придется еще дорабатывать.

Сперва навстречу бежали ручьи растаявшего снега. Потом они исчезли, из черной почвы валил пар. Некоторое время я брел, ничего не видя в этом тумане, и внезапно вышел из него прямо в огонь.

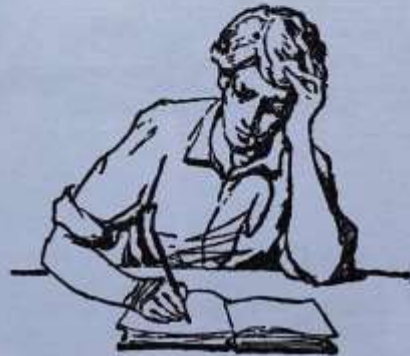
Странно: я не боялся, только где-то вертелась неприятная мысль, что скафандр еще не прошел всей программы испытаний... В сущности, жизнь не так часто награждает опасностями работу инженера. Мне просто было интересно. Передо мной лежало озерцо расплавленной земли: темно-красное у краев, оно накалялось к середине до желто-белого цвета. Там, в середине, лава кипела и лопалась крупными ослепительными пузырями.

Жар пробивался даже сквозь призмы перископической приставки. Я уменьшил диафрагму. Теперь среди раскаленных паров я заметил темное цилиндрическое тело, доловины окунувшееся в лаву,

Ладно, может, не так уж плоха эта сложность нашего времени. Как и сложность в науке, она приводит к новому в конце концов. И не мы запустили такие «спутники». И раз нейтрино найден, мы используем его поумнее, чем американцы.

Значит, завтра на завод! Новые дела, новые люди...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ БЕЛАЯ ТЕНЬ

Дальнейшие события распространяются слишком широко и захватывают так много людей, что мы не смогли бы описать их только с помощью дневника Н. Н. Самойлова. К тому же записи Самойлова страдают, как, возможно, это уже успел заметить читатель, неполнотой, а его характеристики людей пристрастны и довольно поверхностны. Да это и понятно: ведь он инженер, он глубже вникает в научные проблемы, они волнуют его гораздо больше, чем поступки и характеры знакомых.

Читатель, возможно, посетует на то, что и во второй части многие события описаны разрозненно и несвязно: он прочтет записи в лабораторных журналах и газетные сообщения, рассказы очевидцев и протоколы неудавшегося расследования, наблюдения астрономов и новые странички из дневника Самойлова. Автор не хочет скрывать от читателей, что многое пришлось додумывать, что не раз усилиями воображения восполнялся недостаток сведений и восстанавливалась связь событий.

Так каков же будет этот? Пока что Рандольф Хьюз был известен тем, что год назад, когда в мире бушевал скандал со снарядами из нейтриума, он потребовал готовить атомное нападение на Советский Союз и Китай, «если хоть один из снарядов упадет на американскую территорию». Уж не этим ли он обязан своему выдвижению на новый пост?

«Хотя, — Вэбстер усмехнулся, — такая дерзость достойна поощрения...»

Геликоптер покачнулся, и Вэбстер на секунду почувствовал тошнотворную невосомость. «Снижаемся?» Он посмотрел наружу. Машина уже вошла в горы и летела вдоль широкого ущелья; жужжание винтов отражалось от скал гулким рокотом.

Прямо перед ними на западе поднималась гора, выделяющаяся среди всех остальных своими размерами и формой. Должно быть, это был давно потухший вулкан; буро-коричневый конус, опоясанный внизу мелкими горными соснами, возвышался над скалами на сотни футов своей плоской вершиной. К этой вершине, навинчиваясь спиралью, шло

широкое бетонное шоссе; туда же карабкались стальные мачты подвесной дороги и линии высоковольтной передачи.

Геликоптер приблизился к вершине. Стало видно, как на площадке забегали люди. Машина несколько секунд висела в воздухе неподвижно, потом стала опускаться на бетонную площадку.

Внутри башни сходство с астрономическим павильоном не исчезло. Генерал и Вэбстер стояли на краю огромного черного диска, из середины которого вверх, к куполу, наклонно уходил сужающийся в перспективе двадцатипятиметровый ствол. Ствол держался не только на этом диске-лафете: от стен и купола башни к нему сходились тонкие черные нити, они оплетали ствол, как спицы велосипедного колеса. Офицер, повозившись у вделанного в стену щитка, включил освещение; однако в башне по-прежнему было мрачно; ствол, диск, нити отливали каким-то странным черным светом. У основания ствола смутно различались сложные устройства.

— Включите тумблер «щель», Стиннер, — бросил офицеру Вэбстер. Голос его звучал глухо и не отразился, как ожидалось, эхом от стен башни. — Там, внизу, слева на щитке...

Снова приглушенно завывли электродвигатели, в куполе появилась щель. Она стала медленно расширяться, открывая полосу синего высокогорного неба.

Генерал осмотрелся вокруг, увидел металлическое сиденье возле угломерного устройства, тяжело опустился на него и обратился к стоящему поодаль офицеру:

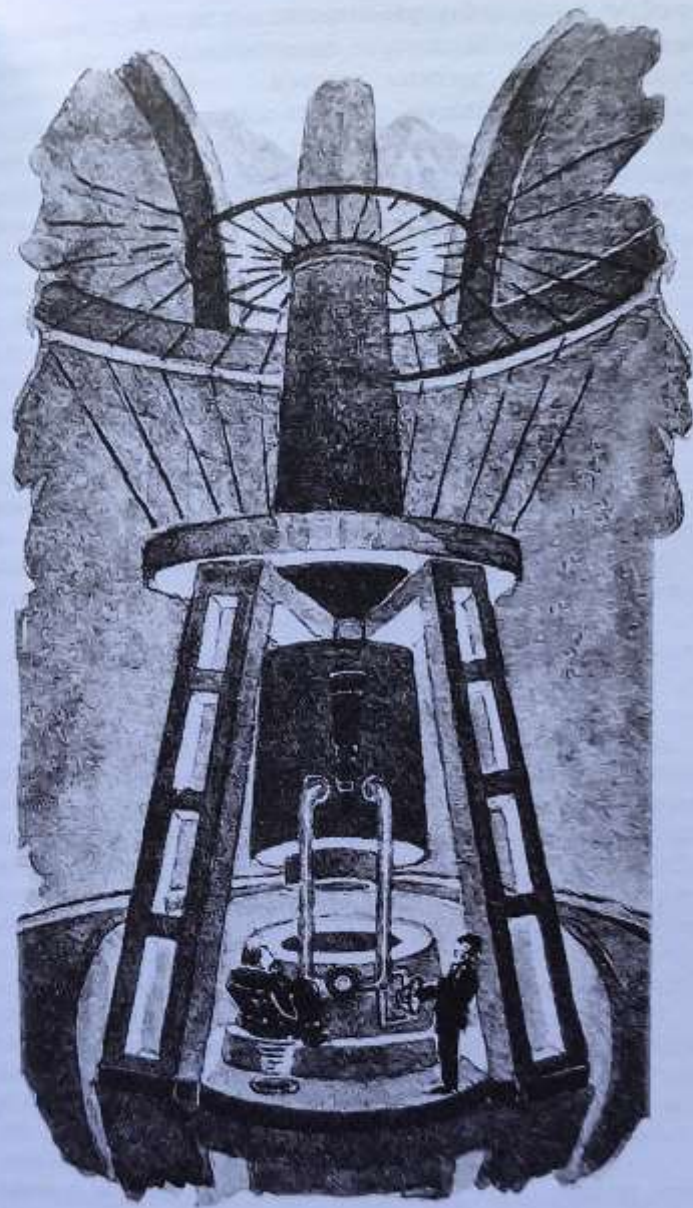
— Вы свободны... Э-э...

— Майор Стиннер, — подсказал Вэбстер.

— Да-да. Вы свободны, майор.

Стиннер удалился. Генерал закурил сигарету, помолчал некоторое время, потом поднял глаза на Вэбстера:

— Я уже слышан о том, что произошло во время тех испытаний «телескопа»... Однако мне хотелось бы, чтобы вы,

***

Когда Якина спрашивали, где он теперь работает, он отвечал коротко: «В зверинце».

Высоковольтная лаборатория в самом деле была похожа на зверинец — кругом клетки, только вместо хищников в них были заключены молнии. Молнии прятались в красивых медных шарах разрядников, в высоковольтных конденсаторах. Молнии сдержанно гудели в трансформаторах, невидимо собирались на фигурных гирляндах фарфоровых изоляторов, в проводах и только ждали, чтобы разрядиться на что-нибудь или кого-нибудь.

Сейчас Якин занимался изучением электрического пробоя пластинок нейтрида. Что ж, теперь почти весь институт исследует нейтрид...

Яков с усилием поставил на металлический цилиндр тонкую черную пластину. «Вот черт — килограммов двадцать, наверное, не меньше». Установил на пластинку нейтрида медную гирьку верхнего электрода, соединил провода и вышел из клетки. Лязгнула железная дверь, загорелась над нею красная неоновая лампочка.

Яков стал медленно поворачивать ручку трансформатора. Стрелка киловольтметра неторопливо поползла по шкале: 10 киловольт, 15... 25... За серой защитной сеткой от гиреобразного электрода с еле слышным шипением стало расходиться оранжевое сияние — светился ионизированный высоким напряжением воздух. 40 киловольт, 50... 70... Черную пластину нейтрида окутали желтые и голубые нити:

они тянулись, загибаясь за края пластинки, к никелированному цилиндру, дрожали, извивались и шипели, как живые. В воздухе распространился резкий запах озона.

Стрелка коснулась цифры «90». 90 киловольт! Якин перестал повышать напряжение, чтобы полюбоваться. Теперь в клетке между электродами, ища выхода, разъяренно металась молния; нити разрядов были голубыми и шипели так громко, будто трещало разрываемое полотно. Могучие электрические силы, подчиняясь легкому повороту регулятора, напряглись и рвались сквозь тонкий слой нуля-вещества. Если бы между электродами лежало обычное вещество, даже в тысячи раз толще этой пластинки, то все было бы уже кончено, материал не выдержал бы: треск, громкий щелчок и пробой — маленькая дырочка с опаленными краями. Но путь электрическому току преграждал нейтрид...

Яков снова стал поднимать напряжение. Когда стрелка доползла до 120 киловольт, нити разрядов, угрожающе шипя и треща, собрались в спящий голубой жгут, огибая пластинку. Между электродами возникла дуга. Тотчас же перегрузочные реле-ограничители с лязгом отключили трансформатор. Все исчезло.

СНИХ ЛЮЛЯКАХ ПЕРЕ-
НАНОСЯТ НА БУДУЩЕ-
КОРАБЛЬ С АТОМНЫМ
РЕАКТОРЕ ДЕТЯМ
ЛЕТА В СОТНИ ВЫ-
ЖЕТ ПРОТИВОСТОЯ-
НИЕМ И ТЕМПЕРАТУ-
РАМИ ДЛЯ КОСМИЧЕСКО-

Т МНОГО ИЗВЕСТНЫХ
САМОЛЕТЫ, БАДЫ
ЗАПУСКАВШИЕ СПУ-
СКОМ ОНИ ВОЛНУЮТ
НИ ИЗ НЕЙТРИДА
СОБЫТИЯ

Л СЕГОДНЯ, СВЕРХ
ДИРЕКТОР ГОЛЬДБЕРГ
ЯЧОК-БОДРЯЧОК —
МАТЕРИАЛ СОЗДАЕТ
ПОТОМУ ЧТО МЫ
ЧТО? — ФИЛОСОФ
ТАК И НЕ СМОГ
БУДЕТ РАЗМЕР
ВСЕГО В ПОШТОМ
ЭТАЖНЫЙ ДОМ...

ВЫ, УВАЖАЕМЫЙ
ГРЕБУЮТСЯ ДЕСЯ-
ТАЛЕЙ И ЧТО ПОКА
ЛАЕМ ДЛЯ РАКЕТЫ

З, КАК, НАВЕРНОЕ,
С, ВЕНЕРУ. А ВОТ
ПРИДЕТСЯ ДЕЛТЬ
ДЕТСТВА? ПРЕ-
ШНОСТИ, ЧЕГО ТЫ
В МОГУТ ТОЛЬКО
ШЬ, ЧТО В САМОМ

ДЕЛО ВСЕ ПОЙДЕТ ТАК ЛЕГКО И ИНТЕРЕСНО, КАК ЭТО ОПИСЫВАЕТСЯ
В ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ РОМАНАХ ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА?
КОСМИЧЕСКИЕ ПОЛЕТЫ ФАБРИКУЮТСЯ СЕЙЧАС В ЦЕХАХ (ЭТО ПОКА
ДЕЛО ЗЕМНОЕ!) С ПОТОМ, УСТАЛОСТЬЮ И СКРЕЖЕТОМ ЗУБОВНЫМ...

НУ, А В ЭТОЙ РАКЕТЕ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОЛЕЧУ! НЕУЖЕЛИ
Я НЕ ЗАСЛУЖИЛ ПРАВА ЕСЛИ НЕ НА ПЕРВОЙ, ТО ХОТЬ НА ВТОРОЙ
ИЛИ ТРЕТЬЕЙ ПОЛЕТ?

25 октября. Сегодня в конце дня был в институте. Встре-
тился с Иваном Гавриловичем. После работы обратно шли
вместе через парк к остановке троллейбуса.

День выдался великолепный. До сих пор времена года про-
ходили как-то мимо моего внимания, и сейчас я смотрел на эту
красоту осени глазами новорожденного. Небо было синее
и чистое, большое солнце садилось за деревья и уже не грело.
А под его косыми лучами в парке горела яркая осень. Вдоль
аллеи пламенели желто-красными листьями клены; как руби-
ны, отливали на солнце спелые ягоды шиповника. Дубы стояли
в крепкой, будто вырезанной из меди листве. И всюду желтые,
красные, багровые, оранжевые, охровые, светло-зеленые тона
и переливы — пышные, но печальные краски увядания. Таких
красок не увидишь в мезонаторных цехах...

Иван Гаврилович что-то говорил, но я, каюсь, не очень
внимательно слушал его. Не хотелось ни о чем думать, не хо-
телось рассуждать, в голову лезли обрывки стихов: «Роняет лес
багряный свой убор...», «...люблю я пышное природы увяданье,
в багрец и золотое одетые леса...» и тому подобное.

Конечно, мне следовало бы не забывать, что с Иваном
Гавриловичем опасно быть рассеянным. Он говорил что-то
о своей новой работе, об облучениях нейтрида мезонами.
Я любовался красками осени и изредка кивал, ориентируясь
на его интонации.

ейтрида
дь нет
увидеть

о при-
ли цех,
никогда
эрацией
авление
тутного
гельные
камеры,
дой.

метров
степени
на низ
на все
ведь это
Насосы
объема
эрежен-

амечесно
е густо
и камер
м выше

влиняют.

камеры
б прав:
что даст
Нужно

чатых
ампо-
рсии-
можи
гром-
его —
ль их
при-
зажи-
место
руко-
равле-

них —
эктро-
узтку
в них
только
роном
гран-
пальн

лбом
Встер-
влезн-
склыс
гол-
шре-
валде-

луэси
горши
знаст-
в еше
1 веру

алдасы

Снова вспыхнули полосы окон — теперь Голуб и Сердюк стояли на мостике. Голуб наклонился над рычагами манипуляторов.

«Сейчас будет вытаскивать свои препараты из камеры наружу... Они что — только вдвоем сегодня работают? Интересно, есть ли у них сейчас пленки тоньше ангстрема? Может, пойти попросить?..» Якин видел, как Сердюк что-то сказал Ивану Гавриловичу, а тот кивнул. Вот они оба наклонились над чем-то...

Громкая, нестерпимо яркая, бело-голубая вспышка сверкнула напротив, во всю ширину громадных окон семнадцатой лаборатории. От взрывной волны осколки стекол полетели в лицо Якову. Несколько секунд он ничего не видел — только где-то под потолком плавали тусклые точки лампочек. Что это? Он вытер лицо ладонью, измазавшись в чем-то липком, посмотрел наружу: из окон семнадцатой рвалось желтое пламя, казавшееся совсем неярким после блеска вспышки.

Яков выбежал из лаборатории, помчался по бесконечно длинным коридорам.

По институтскому двору в суматохе бегали служащие охраны. Яков лишь на секунду хлебнул холодный дымный воздух двора и вбежал в дверь стеклянного корпуса. В коридоре, который вел к семнадцатой лаборатории, метался горячий сизый дым, ярким копящим пламенем пылал паркет. Яков сорвал со стены цилиндр огнетушителя, с размаху ударил его наконечником о стенку и направил вперед длинную струю желтой пены. В горящем паркете образовалась черная дымящаяся дорожка.

Он уже почти добрался до дверей семнадцатой; из них било пламя. Глаза разедал горячий дым. Якин оглянулся: проложенная огнетушителем дорожка снова горела. Только теперь он услышал и понял пронзительные звонки, звучащие из дыма и пламени. Радиация! Сигнальные автоматы звенели непрерывно — значит, радиация уже превысила все безопасные нормы. Яков еще раз посмотрел на горящие двери семнадцатой, швырнул ненужный огнетушитель и, закрывая руками лицо от огня, побежал обратно по расстилавшемуся перед ним пламени.

Во дворе уже стояли красные пожарные машины. В окна «аквариума» били тугие струи воды и пены. Среди горячего и едкого тумана бегали люди. Горящую одежду Якина кто-то обдал водой, кто-то отвел его в сторону, спросил: «Там больше никого нет?» Вместо ответа Яков закашлялся не то от дыма, не то от подступивших к горлу слез...

— Замечательно!.. — бормотал он. — Замечательное подтверждение гипотезы. Луна действительно покрыта слоем космической и метеоритной пыли. Нужно снять спектральный анализ. — Он торопливо стал навинчивать на окуляр приставку с призмами анализатора.

Вэбстер смотрел на Ивенса, и острая, болезненная зависть к этому старику с серыми усами и длинной седой шевелюрой (под покойного Эйнштейна) охватила его. Как давно не испытывал он этого чистого, без примесей каких-либо посторонних чувств, восторженного удивления перед таинственными явлениями Вселенной! Почему он не астроном? Почему ему не дано в великолепные звездные ночи пронизывать телескопом глубины Вселенной, чувствовать исполинские масштабы пространства и времени, придумывать величественные гипотезы о возникновении миров и о разлетающихся звездах? Почему за всеми его делами стоит мрачный, угрожающий признак беды? Почему его великая наука стала в мире страшлищем?..

«Старика взволновали не попадания снарядов в Луну, а космическая пыль на лунных скалах... — подумалось Вэбстеру. — Неужели снаряды, выстрелы — все это не нужно? Да, для науки, пожалуй, нет. А для чего?» — Какая-то главная мысль, еще не оформившись словами, возникла в мозгу... Но его уже тормозил возбужденный Хьюз:

— Ну, Герман, сейчас нужно устроиться где-либо переночевать, а завтра — на завод. Начало сделано, теперь будем разворачивать дело!..

Свенсону, видно, хотелось излить душу. Но они дошли уже до конца цеха, к дверям второго выхода.

— Так... Теперь покажите-ка вашу продукцию, Герман, — сказал генерал.

— Сейчас... — кивнул Вэбстер. — Вот что, Свенсон, распорядитесь, чтобы выключили этот «два-бис» и раскрыли. Я сам его посмотрю.

Они вышли на заводской двор. Солнце сияло в ясном лазурном, как и вчера, небе. Лучи его отражались от фарфоровых гирлянд на высоковольтных трансформаторах подстанции. По асфальтированным дорожкам электрокары везли черные лоснящиеся детали из нейтриума.

— Что это? — Генерал показал на возвышавшийся слева белый резервуар с трубами.

— Ртуть.

— И много ее там?

— Резервуар вмещает около двадцати тысяч тонн, но сейчас он наполнен наполовину, не больше.

— Ого! У вас громадные запасы — почти вся мировая добыча за год...

— Вашими заботами, генерал! — иронически вставил Вэбстер.

Молоденький низкорослый солдат, стоявший у входа в склад, вытянулся при их приближении. Вэбстер нажал кнопку в стене, и тяжелая стальная дверь медленно отъехала в сторону. Они вошли внутрь и стали опускаться вниз по бетонным ступеням.

Склад находился под землей. Толстые бетонные колонны подпирали сводчатый потолок, на котором неярко горели лампы в защитных сетках. Здесь было прохладно и немного

ТЕНЬ на стене

Территория Днепровского научного института вместе с прилегавшей к ней частью парка была оцеплена, по шоссе пропускали только машины сотрудников и аварийных команд. Пожар потушили сравнительно быстро. Очевидно, часть пламени была сбита взрывом. По лужайкам и асфальтированным дорожкам, проверяя зараженность местности радиацией, ходили люди из аварийных команд в темно-серых, холодно поблескивающих комбинезонах и капюшонах из толстой резины, в одинаковых уродливых масках противогазов. На груди у них висели небольшие зеленые ящички — индикаторы радиации. Аварийщики неправильным кругом сходились к основанию корпуса.

Утро начиналось сильным и холодным ветром. Он схватывал лужи на асфальте морщинистой корочкой льда, качал деревья, рвал облака и гнал их клочья к Днепру. Корпус возвышался обожженной десятиэтажной клеткой из горизонтальных бетонных перекрытий и стальных переплетов пустых оконных рам. Он слегка осел одной стороной и накренился; если поднять голову к быстро бежавшим облакам, то казалось, что это большой океанский пароход сел на мель и покинут всеми.

Через несколько часов было установлено, что в семнадцатой лаборатории, в основании левого крыла корпуса, произошел взрыв, сопровождавшийся сильным выделением тепла и радиоактивного излучения. Однако по силе фугасного действия она соответствовала всего лишь авиабомбе крупного калибра: полторы-две тонны тротилового эквивалента.

Все это доложил Александру Александровичу Тураеву молодцеватый инженер-аварийщик со светлыми усиками на красном от холодного ветра лице — начальник команды. Александр Александрович неловко по-штатски сутулился перед ним.

— Радиоактивная опасность во дворе незначительна. Отсутствует радиация в остальных частях кортуса и во вспомогательных зданиях. В семнадцатую лабораторию мы проникнуть не могли из-за сильной радиации воздуха и самого помещения. Установлены и работают воздухоочистительные устройства. Причины взрыва еще неизвестны. Человеческих жертв не обнаружено... — Окончив доклад, начальник команды спросил: — Разрешите продолжать работу?

— Да-да! Пожалуйста, идите. Однако вот что: пока ничего решительного, пожалуйста, не предпринимайте... без моего... э-э... указания. — За четкой напористостью рапорта академик Тураев все же смог уловить, что инженер далеко не тверд в ядерных исследованиях. — Дело-то, видите ли, очень необычное...

— Слушаюсь! Ждать вашего приказания! — Начальник команды повернулся и хотел выйти.

— Погодите. Э-э... Скажите, пожалуйста, вы не догадались взять пробы воздуха для анализа радиоактивности?

Инженер смешался и развел руками:

— Не учел, товарищ академик... Прикажете взять?

— Теперь уже поздно, пожалуй. Впрочем, возьмите... В разбитые окна кабинета в административном корпусе свирепо задувало. За столом сидел Александр Александрович, в плаще, положив озявшие синие руки на стол. «Человеческих жертв не обнаружено...» Перед ним лежали только что принесенные из проходной два табельных жетона. Треугольные кусочки алюминия с дыркой для гвоздя и цифрами: «17-24» — жетон Ивана Гавриловича Голуба и «17-40» — жетон Сердюка. Края округлились от многолетнего таскания в карманах.

Александр Александрович чувствовал душевное смятение и растерянность и никак не мог справиться с этими чувствами. Разное бывало, особенно в первые годы крупных ядерных исследований: люди, по своей неопытности или от несовершенства защиты, заражались радиоактивной пылью, попадали под просачивающиеся излучения ускорителей. Иногда выходили из управления реакторы. Это были аварии, несчастные случаи, но это были понятные несчастья... А сейчас? Тураев чувствовал интуицией старого исследователя,

пере-
вале-
дней-
ежде.
стена,
вдну-
почти
тепла

что он
здесь.
омехи,
и.
галос

оворит

наме-
придем
правой.

ахваты-
ворачи-
ни мса-
апрасю
и — еги,
ли ска-
тонт ли
енным.
индика-
Могит
уже про-
ет быть.

новаторы
келезный
ослави-
замети.

что все — и горелое
железо, и медь, и бетон,
и угли — было покрыто
зеленовато-пепельным на-
летом. «Что это такое?»
Он поднял голову, поискал
Якова. Тот ушел немного
вперед и стоял между сте-
ной и остатком железной
лестницы, которая поднималась
к бетонному мосту
у вспомогательной камеры.
Верхних ступеней и перил
не было, торчали только
стальные оплавленные пру-
тья, заломленные назад.

Приземистая черная
фигура Якина неторопливо
поворачивалась
из стороны в сторону,
чтобы лучше рассматри-
вать. Внезапно он замер,
подняв руку:

— Николай, смотри!

Самойлов повернул-
ся в ту сторону, куда пока-
зывала рука Якина,
и вздрогнул. Против
лестницы, на обожженной
темно-коричневой кафель-
ной стене, ясно белел си-
луэт человека.

Николай, спотыкаясь
о что-то, сделал
к нему несколько
шагов.

Яков коротко рассказал, как, оставшись вчера в своей
лаборатории, он из окна смотрел на корпус напротив, видел
двигающихся по семнадцатой Ивана Гавриловича и Сердюка.
Больше не было никого. Наблюдал, как они поднялись на мо-
стик мезонатора; видел вспышку... О том, что вчера его осени-
ла идея нейтрид-конденсаторов, он промолчал...

Отдохнули. Снова стали собираться на место катастрофы.
На этот раз взяли с собой специальный фотоаппарат, счетчики
радиации, геологические молотки, чтобы отбивать образцы
для анализа.

и стрелка счетчика метнулась к концу шкалы, 2000 рентген в секунду! То, что убивает незащищенного человека мгновенно...

Якин, возившийся в это время с камерой, поднял голову и увидел, как в перископических очках Николая появился и исчез красный свет.

— Ты чего это извергаешь пламя?

— Ты заметил? Запомни: при двух тысячах рентген в секунду скафандр начинает пропускать гамма-лучи. Следи за счетником...

— Добро...

«Что же это за дыра? Дефект в бетоне? Не может быть, за такие дефекты строители сняли бы голову!» Самойлов опустил в отверстие щуп счетчика, стрелка заметалась по шкале, потом стала падать — радиация уменьшилась. Щуп ушел на 30 сантиметров в глубину, не встречая преграды. «Глубоко!» Он опустил щуп еще чуть ниже — и снова с пугающей внезапностью вспыхнул индикатор, на этот раз другой, справа у щеки, тот, который был связан с правым рукавом скафандра.

— Слышишь? Анализ наших образцов еще обрабатывается, принесут завтра, — скороговоркой выпалил он. — Я звонил главному энергетiku на подстанцию. Да... Спрашиваю: «Когда произошел взрыв, мезонатор работал?» — «Нет, говорит, минут за пять до этого выключили высокое напряжение в лаборатории». Понимаешь? Я еще переспросил: «Точно ли?» Он даже обиделся: «Конечно, точно, говорит. Нужно быть идиотом, чтобы не заметить это; ведь мезонатор Голуба тянул полторы тысячи киловатт!»

— Ну и что же?

— А то, что короткое замыкание в электромагнитах главной камеры, которое я тебе показывал, не могло произойти в момент вспышки по той простой причине, что в этот именно момент на электромагнитах не было напряжения. Замыкание произошло раньше!

— А ведь верно! Странное обстоятельство! — Самойлов шальными глазами устало посмотрел на Якина. — Завтра нужно еще сходить в лабораторию. Меня волнует эта дырка...

такой грубый промах... Да, наконец, ведь в мезонаторе была аварийная сигнализация.

— Может быть, они заметили, но не придали значения? — сказал Якин. — Не хотели прерывать опыт?

Самойлов молча пожал плечами. И снова они ходили и думали об одном и том же. Николай подошел к окну. За окном чуть синели ранние сумерки. В воздухе, открывая зиму, кружил легкий праздничный снежок. Лохматые снежинки окутывали в декоративное кружево черный обгоревший труп стеклянного корпуса. Аварийщики обносили корпус проволоочной изгородью и вколачивали колышки с табличками: «Осторожно! Радиация!»

«Наверное, скоро корпус будут сносить...» — лениво подумал Николай.

В комнате было тепло — уже работало паровое отопление. Ожившая от теплоты единственная муха лениво ползала по стеклу, потом, остервенело жужжала, билась крыльшками об ощути- мую, но невидимую

Постой, постой! Что-то было в этом воспоминании, что-то близкое к сегодняшним спорам и «открытиям»! Николай даже становился и прислушался к себе, чтобы не спугнуть тончайшую мысль. Где-то рядом с ветвей падали капли, падали, будто подчеркивая тишину, так звонко и размеренно, что по ним можно было считать время.

Что же он тогда сказал? Об одном непонятном эффекте... Он у них получился несколько раз... Ага! Николай почувствовал, как у него отчаянно забилося сердце... «Если долго облучать нейтрид в камере быстрыми мезонами, — сказал тогда Иван Гаврилович, — то он начинает отталкивать мезонный луч... Похоже, что нейтрид заряжается отрицательно...» Так... Но потом, когда они вытаскивали пластинку нейтрида, то никакого заряда на ней не оказывалось.

соблюдении правил техники безопасности и что даже за день до катастрофы не было замечено никаких угрожающих признаков. Ведется расследование.

Э. Дубербиллер отказался отвечать на все вопросы корреспондентов.

Из официального заявления представителя Белого Дома для печати. Научная и военная общественность скорбит по поводу безвременной трагической гибели двух крупных деятелей американской науки, армии и промышленности — директора завода в Нью-Хэнфорде, доктора физики, профессора университета в Беркли Германа Дж. Вэбстера и бригадного генерала, члена правления концерна «XX век», члена Главного артиллерийского комитета Рандольфа Хьюза. Как выясняется теперь, доктор Вэбстер и генерал Хьюз в эти дни осуществляли один гигантский стратегический эксперимент, который закончился успешно. Установлено, что в момент взрыва они находились на заводе в Нью-Хэнфорде...

Из доклада сенатора Старка, возглавлявшего комиссию по расследованию катастрофы в Нью-Хэнфорде. ...В настоящее время причин взрыва установить не удалось. Местность в радиусе нескольких миль заражена исключительно активной радиацией. По ночам над районом взрыва светится воздух. Таким образом, непосредственное расследование очага взрыва исключается до тех пор, пока активность радиации не уменьшится до допустимых пределов.

...вот так же
...следующим
...аналогично
...ой, на
...е —
...тот же и

и искренн
сти в себе
вашей об
случе. Был
одном пер
те. Но вы
привыкш
ни одног

вместе да
ушат сей

же он.

Вобстер
уважи за
любимый
лон, кот
орые из
все был
медленн
ерал.

р свидан
судорож
расстегн
Генерал
ры два
кровенны

показывали в солдатском клубе, уморительные анекдоты о неграх и женщинах, но при одном взгляде на колеблющееся на горизонте зеленое зарево мысли снова смешивались и устремлялись на прежнее, жутковатое. «Чертовщина какая-то! Разве пойти к напарнику слева, покурить, поговорить?» Кейв огляделся по сторонам.

Прямо на него шла длинная худая фигура. Грэхему она показалась гигантской. Фигура излучала слабое сине-зеленое сияние; были видны контуры голых рук, медленно шагающих ног, пятно головы с шевелящимися, мерцающими волосами. Фигура бесшумно, будто по воздуху, приближалась к нему. Сердце Кейва прыгнуло и провалилось куда-то, дыхание перехватило.

— А-аа-ааа-ааа! А-аа-ааа-а-а-а!.. — истерически закричал, завизжал Кейв тонким, нечеловеческим голосом и рванул с груди автомат.

Судорожно нажав гашетку, он начал полосовать дергающимся, вырывающимся из рук автоматом вдоль и поперек сияющего силуэта, пока тот не упал. Кейв еще и еще стрелял по лежащему, до тех пор, пока не иссякла обойма...

«ЭЛЕМЕНТ МИНУС 80»

Постепенно, деталь за деталью, перед Николаем Самойловым возникла общая картина катастрофы в семнадцатой лаборатории. Точнее говоря, это была не картина, а мозаика из сегодняшних фактов, теоретических сведений, исторических событий, лабораторных анализов и догадок. Еще очень многих штрихов не хватало. Чтобы уловить главные контуры, приходилось отступать на достаточно далекое расстояние.

За девяносто лет до описываемых событий великий русский химик Д. И. Менделеев открыл общий закон природы, связавший все известные в то время элементы в единую периодическую систему. Менделеев был химик, он не верил в возможность взаимопревращения элементов, называл это «алхимией», а свою таблицу предназначал лишь для удобного объяснения и предсказания свойств различных веществ. Глубочайший смысл этих периодов был понят позже, после открытия радиоактивности и искусственного получения новых элементов.

что в камере мезонатора уже не было вакуума, что взрыв произошел после опыта? Почему же не он первый понял, в чем дело?

До сих пор он объяснял себе все просто: Кольке Самойлову везло, а ему, Якову, который не хуже, не глупее, а может быть, и одареннее, не везло. И вот теперь... Он просто переосторожничал. Конечно! Ведь у него эта идея возникла одновременно с Самойловым, если не раньше. Испугался потому, что это было слишком огромно? Эх...

— Понимаешь, Яша... — Самойлов поднял на него воспаленные глаза. — А ведь это, пожалуй, и есть тот самый мезоний, который искал Голуб. Ну конечно: ведь при взаимодействии антивещества с обычным, они оба превращаются во множество мезонов. Капелька антитритути сможет заменить несколько мезонаторов! Представляешь, как здорово?

Яков внимательно посмотрел на него, потом отвел глаза, чтобы не выдать своих чувств.

— Слушай, Николай, похоже, что мы с тобой сделали гигантское открытие! — Голос его звучал ненормально звонко. — Антивещество — это же не только мезоний. Ведь оно выделяет двойную полную энергию — два эв цз квадрат! Можно производить сколько угодно малые и сколь угодно большие взрывы. Космические корабли и ракеты... Энергоцентрали... Понимаешь? Управляемые взрывы! И еще — шербинка в пластинке нейтрида. Это же способ обработки нейтрида! Понимаешь? Пучком быстрых мезонов можно «резать» нейтрид, как сталь — автогеном. А выделяющуюся антитрутуть можно либо уничтожить воздухом, либо собирать... Теперь мы можем обращаться с нейтридом так же, как со сталью: мы можем его

Ну и Самойлов, ну и Коля! Товарищ называется! Оттереть меня хочет, в гении лезет... Ну нет, я его дождусь».

Не в манере Юрия Кованько расспрашивать начальство. Он любил до всего доходить самостоятельно. Но сейчас, глядя на Самойлова, впившегося глазами в экран, на бисеринки пота на его лбу, он не выдержал:

— Да скажите же, в чем дело, Николай Николаевич!

Самойлов не услышал вопроса. Его взгляд притягивала небольшая группа непрерывно мерцающих в темноте камеры звездочек — в левом нижнем углу, на стыке трех пластин нейтрида. Он включил внутреннюю подсветку и направил луч в этот угол. Оттуда блеснула маленькая капелька. «Антиртуть! А вон еще небольшой подтек — тоже антиртуть».

из кабины и от нечего делать стучал сапогом по скатам. Техник, что-то напевая, прилаживал кабель к контактам электродвигателя... Все это было так обыденно, что Николая снова охватили сомнения: не может быть, чтобы так просто произошло великое открытие.

Он подошел к закрепленному на врытой в землю бетонной тумбе цилиндрику, потрогал его пальцем. Так что же в нем: антиртуть или просто ртуть?.. На заводе он ставил манипуляторами этот цилиндр в мезонную камеру и бросил в него свернутые из нейтрид-фольги охлажденные трубочки с примерзшими к ним блестящими брызгами, потом осторожно завинтил крышку. Черный бок цилиндрика ожег палец холодом. «Что же там?» Самойлов положил руку на диск соединительной муфты.

«А что, если... крутнуть сейчас муфту?» Страшное, опасное любопытство, как то, которое иногда тянет человека броситься под колеса мчащегося мимо поезда или с высокой скалы, на секунду овладело им. «Крутнуть муфту — и цилиндр откроется. В него хлынет воздух... И сразу все станет ясным...» Он даже шевельнул мускулами, сдерживаясь, чтобы не «крутнуть».

— Товарищ Самойлов, все готово! — будто издали донесся голос техника. — Можете проверить.

Немало испытаний видели эти люди, члены комиссии: инженеры, конструкторы, создатели атомных бомб и электростанций, ученые-экспериментаторы. Они видели первые атомные взрывы в воздухе, видели гигантский зловещий грибок высоко в небе... И всегда к восторгу победившего человеческого разума примешивался ужас перед чудовищностью приращения величайшего открытия. Но такого они еще не видели, вот уже десять, двадцать, сорок секунд из крошечной точки на краю степи вырывался ревущий ядерный огонь! Но теперь не было ужаса, потому что это строптиво редела крепко взвученная, покоренная и обезвреженная, самая могучая из энергий: энергия взаимного уничтожения вещества и антивещества. Люди видели не только огненную полосу в степи — они видели будущее безграничное могущество человека, овладевшего этой энергией: космические ракеты, из нейтронных дюз которых вырывалось это пламя; могучие машины из нейтрона, создаваемые этим пламенем; растопленные им льды Севера и зазеленевшие пустыни Юга. Они ясно видели будущее.

И Николай Самойлов видел его. Уже не было измученного человека с осунувшимся лицом и болезненно блестящими глазами. Все его смятение, вся неуверенность сторепела в этой яркой, как молния, минуте счастья. Глаза уже начинало резать от нестерпимой яркости вспышки, которую не могли погасить даже темные светофильтры в перископе. Но он твердо смотрел на полосу ядерного огня, не мигая.

Наконец степь потухла. Стало тихо. Все вокруг — снег, лица людей, блиндаж — показалось тусклым и темным. В низких тучах все заметили какую-то черную полосу. Когда глаза освоились, то рассмотрели: тучи над местом вспышки испарились, образовав длинный просвет, сквозь который была видна голубизна зимнего неба. Но скоро от земли поднялись новые облака испарившегося снега и закрыли просвет.

Ошибки не было... И Николай только теперь полностью ощутил навалившуюся на него усталость, огромную, нечеловеческую усталость, от которой люди не могут спать.

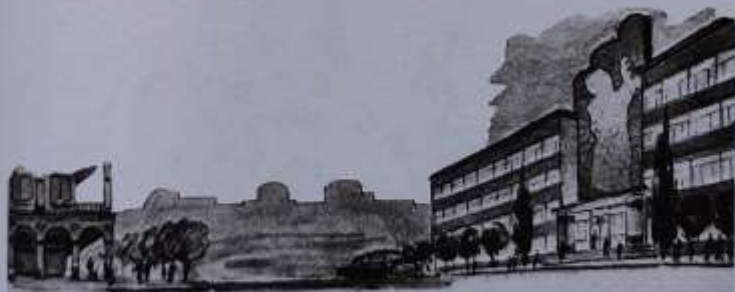

Следы недавней катастрофы постепенно исчезают. Стекланный корпус института демонтирован. Оборудование, даже уцелевшее, уничтожили или пустили в переплавку: невозможно проводить точные ядерные исследования там, где надолго остались неустранимые следы радиации, нельзя использовать приборы и оборудование, зараженные радиацией.

В Новом поселке, неподалеку от нашего нейтрид-завода, строятся корпуса Института ядерных материалов имени профессора И. Г. Голуба. В стену главного корпуса вмонтируют плоскость — те самые кафельные плитки из стены семнадцатой лаборатории, на которых остался белый силуэт Сердюка. Это будет лучший памятник им...

Впрочем, мне что-то не хочется шевелить прошедшее — отложим это до преклонных лет. Лучше подумать о будущем. А какое громадное будущее нетерпеливо ждет нас — голова кружится! И это будущее начнется скоро, почти завтра, потому что космическая ракета из нейтрида уже готова и начинает проходить испытания. И — парадоксально! — эта ракета безнадежно устарела, едва только совершит свой первый полет по межпланетному простору, потому что на смену обычным атомным двигателям придут (и уже идут) предельно простые и исполински могучие нейтридные двигатели, работающие на антиртути. Сколько еще будет сделано и в Космосе, и на Земле! Машины из нейтрида будут крушить горы там, где они не нужны, и воздвигать их на более удобном месте; мы проникнем в глубь Земли, мы насытим Землю энергией, изменим ее лицо, климат...

Три года прошло — а сколько сделано! Впереди еще почти вся жизнь!»

ПРОБУЖДЕНИЕ ПРОФЕССОРА БЕРНА

Фантастический рассказ

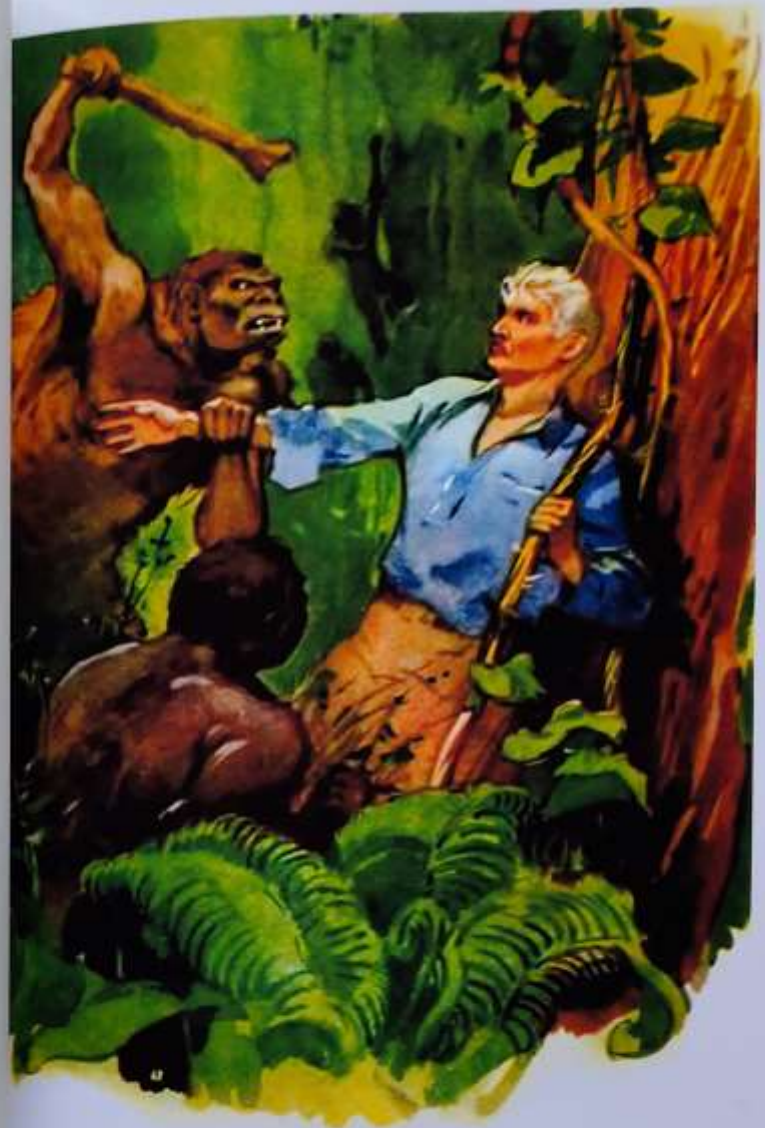
✻
Художники

*В. Каменский, А. Соколов, Г. Дмитриев,
К. Арцелов, О. Захаров*

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ

Текст
Журнал «Техника — молодежи», 1956 г., № 11
Иллюстрация К. Арцулова из издания:
Журнал «Техника — молодежи», 1956 г., № 11
Иллюстрация В. Каменского из издания:
Журнал «Техника — молодежи», 1956 г., № 11
Иллюстрации А. Соколова из издания:
Вл. Савченко ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ
М.: Детгиз, 1960 г.
Иллюстрации О. Захарова из издания:
Вл. Савченко НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ
Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», Київ, 1960 г.
Иллюстрация Г. Дмитриева из издания:
Антология ДОРОГА В СТО ПАРСЕКСОВ
М.: Молодая гвардия, 1959 г.

ПРОБУЖДЕНИЕ ПРОФЕССОРА БЕРНА

Научно-фантастический рассказ

В. САВЧЕНКО

Рис. В. КАМЕНСКОГО

Рассказывают, что именно в 1952 году, когда мир угнетала величайшая нелепость XX века, называемая «холодной войной», профессор Берн перед большой аудиторией дословно произнес невеселую остроту великого Эйнштейна: «Если в мировой войне № 3 вздумают воевать атомными бомбами, тогда в мировой войне № 4 будут воевать дубинками...»

Из уст Берна, которого называли «самым универсальным ученым XX столетия», это звучало несколько сильнее, чем обыкновенная острота. Посылались письма, но Берн на них не смог ответить. Осенью того же 1952 года ученый погиб во время своей второй геофизической экспедиции в Центральную Азию.

Спасшийся другой участник этой маленькой экспедиции, инженер Нимайер, позднее рассказывал:

— Мы переправляли нашу базу на вертолете вглубь пустыни Гоби. В первый рейс, погрузив приборы и взрывчатку для сейсмологических исследований, вылетел профессор. Я остался охранять остальное снаряжение. Когда профессор взлетел, в моторе что-то испортилось, и он стал давать перебои. Потом мотор совсем заглох. Вертолет еще не успел набрать скорость, и поэтому стал быстро снижаться вертикально с высоты сотни метров. Когда машина коснулась земли, произошел сильный — в два раската — взрыв. Должно быть,

сниже
толчок
содерж
в пыл
Э
ждав
ляя. С
сниже
духе
малы
гичес
на ме

О
иначе
Берна
М
ничем
шие в
послед
ший
днем
каль
камен
Д
этого
и от
Таки
от ос
Берн
льях
физе
стрел
посы
латка
тени.
Б
спос
себя.

— Сегодня пустыня выглядит прекрасно, правда? Ну вот, дорогой мой помощник, кажется, все. Через несколько часов я приостановлю свою жизнь, — это будет то, что вы неостроумно назвали самоубийством. Смотрите на вещи просто. Жизнь, эта загадочная штука, смысла которой непостоянно ищут, — только короткий штрих на бесконечной ленте времени. Так пусть моя жизнь будет состоять из двух «штрихов»... Ну, скажите же что-нибудь напоследок, — ведь мы с вами редко разговаривали «просто так».

Нимайер покусал губу, помолчал.
— Я, право, не знаю... Что я скажу? Мне все еще не верится, что вы пойдете на это. Я боюсь верить.

— Гм! Вот вы и уменьшили мое волнение, — улыбнулся Берн. — Когда кто-то за тебя волнуется — не так страшно. Не будем огорчать друг друга долгим расставанием. Когда возвратитесь, инсценируйте катастрофу вертолета, как мы решили. Вы сами понимаете, тайна — необходимое условие этого эксперимента. Через полмесяца начнутся осенние бури... Прощайте... И не смотрите на меня так: я переживу всех вас! — профессор протянул руку Нимайеру.

— Камера рассчитана на одного? — вдруг спросил Нимайер.

— Да, на одного... — на лице Берна появилось теплое выражение. — Я, кажется, начинаю жалеть, что не убедил вас раньше, — профессор стал одной ногой на лесенку. — Через пять минут отойдите от шахты! — Его седая голова исчезла в глубине ствола.

Берн завинтил за собой дверь, переделал в специальный скафандр со множеством трубок и лег на пластмассовое ложе в полу камеры, выпрессованное точно по очертаниям его тела. Пошевелил телом — нигде не давило. Перед лицом на пульте спокойно светили сигнальные лампочки, докладывая о готовности приборов.

Профессор нащупал кнопку взрывателя и, несколько помедлив, нажал ее. Легкое сотрясение, звук в камеру не проник. Шахта засыпана. Последним движением Берн включил насосы охлаждения и наркоза, уложил руку в соответствующую выемку «ложа» и, устремив взгляд на блестящий шарик в потолке камеры, начал размеренно считать секунды...

Нимайер видел, как вместе с глухим ударом из шахты вылетел небольшой столб песка и пыли. Камера Берна была теперь погребена под 15-метровым слоем земли... Нимайер осматрелся — ему стало жутко и дико среди внезапно затихшей пустыни. Постояв, он медленно направился к вертолету.

Через пять дней он, добросовестно взорвав вертолет, добрался до небольшого монгольского городка.

А еще через неделю начались осенние ветры. Они, перегнав песчаные барханы с места на место, сгладили все следы и ямки. Песок, бесчисленный, как время, заровнял последнюю стоянку экспедиции Берна, и это место совершенно перестало отличаться от своих окрестностей...

Вокруг в свежих вечерних сумерках стоял темный молчаливый лес. Конус колпака разворотил почву как раз невдалеке от корней одного из деревьев; могучий ствол его уносил высоко в темнеющее небо густую крону листьев. Берну стало не по себе от мысли: «Что, если бы это дерево вздумало вырасти на полметра левее?» Он подошел к дереву и ощупал его — ноздреватая кора смочила пальцы влагой. «Что это за порода? Нужно подождать утра».

Профессор вернулся в колпак, проверил все припасы: консервы с пищей и водой, компас, пистолет, закурил сигарету. «Значит, пока я прав, — торжествующе горела мысль. — Пустыня покрылась лесом... Нужно проверить, не соврали ли радиоактивные часы. Но как это сделать?»

Деревья стояли редко, в просветах между ними были видны загорающиеся в небе звезды. Берн посмотрел на небо, и сразу мелькнула идея: ведь сейчас «полярной звездой» должна быть Вега!

Он захватил с собой компас и, отыскивая в темноте дерево с низкими ветвями, неловко полез на него. Ветки царапали его по лицу. Их шум спугнул какую-то птицу; она резко крикнула и сорвалась с ветки, больно задев Берна по щеке. Странный крик ее долго раздавался по лесу. Запыхавшийся профессор устроился на верхней ветке и поднял голову.

показалось коричневое туловище зверя с конусообразной головой. «Кабан, — определил Берн. — Но не такой, как прежде, — над рылом острый рог». Кабан заметил Берна, замер на секунду, потом с визгом кинулся за деревья. «Ого! Испугался человека, — удивленно посмотрел ему вслед профессор. И вдруг сердце его сорвалось с ритма; по сероватому от росы мху явственно шли влажные темные следы, пересекавшие полянку. Это были отпечатки босой ступни человека!»

Профессор присел над следом. След был плоский, отпечаток большого пальца отодвигался в сторону от остальных. Неужели он настолько прав? Здесь недавно проходил человек! Берн забыл все и, пригибаясь, чтобы лучше видеть, пошел по этим следам. «Здесь существуют люди, и, судя по тому, что их боятся кабаны, сильные и ловкие люди».

на полину,
с волнами,
соро-жесткой
о деревце
ягу повани
орожность
но, это бы
пизкие збы
еся вперед
он замети

вовал злок
ло десяти
дущего...»
по напра
ал пивы
суковату
двинулся
векообре
ю конши
пистолет

по откры
го догиль
хождение
С режми
к дереу
ые, раск
Вперед

ые крика
та «дннч
ю бежать
ту катна
рут стра
«Зичи
ва, повер

Первым косолапо бежал «вождь». Он размахивал над головой своей дубиной; профессор видел его маленькие свирепые и трусливые глазки с красными волосатыми веками, оскаленные зубы. Шкура на левом плече была опалена.

«Значит, огонь уже известен им», — торопливо отметил Берн.

«Вождь», подбежав, издал крик и с размаху опустил свою палицу на голову профессора.

Страшный удар швырнул ученого на землю и залил кровью лицо. Сознание на миг затуманилось, потом Берн увидел сбегających человеко-обезьян, «вождя», снова поднимающего палицу для последнего удара, и что-то серебристо сверкнувшее в синем небе.

«И все-таки, человечество возрождается», — подумал он за миг до того, как опустившаяся на голову дубина лишила его возможности думать...

***
Через несколько дней в «Известиях Союза Стран
Свободного Труда» было опубликовано сообщение:

«Несколько дней назад — 12 сентября — в азиатском заповед-
нике, находящемся на территории бывшей пустыни Гоби, у большого
стада человеко-обезьян отнято тело человека. На скоростном иномо-
биле человек был доставлен в Дом здоровья ближайшей жилой зоны.
По строению черепа, а также по сохранившимся остаткам одежды
этого человека следует отнести к первым векам эры Победы Труда.

В настоящее время жизнь таинственного человека вне опасности.
Придя в себя, он открыл глаза и стал радостно восклицать что-то
непонятное. С помощью универсальной лингвистической машины
удалось расшифровать его слова. Он восклицал на древнем немец-
ком языке: «Я ошибся! Как хорошо, что я ошибся!..» — И снова впал
в беспамятство.

Как смог человек столь древних времен сохранить свою жизнь
в течение более чем 18 тысячелетий? Вероятно, это один из уже
известных нашей науке методов. Сейчас специальные экспедиции
Академии наук ведут энергичные поиски и расследования.

Палеонтологической секции предлагается впредь усилить наблю-
дение за заповедниками. Особое внимание обратить на то,
чтобы человеко-обезьяны не применяли свои орудия труда как ору-
дия убийства. Это может вредно отразиться на формировании их
мышления в процессе эволюции.

Президиум Всемирной Академии»

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СТРАННУЮ ПЛАНЕТУ

Фантастический рассказ

✪
Художники

В. Носков

В. Карасев

А. Соколов

Н. Гришин

Ю. Синчилин

Текст:
*Вл. Савченко ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ (авт. сборник),
М.: Детгиз, 1960 г.*
*Рисунки Ю. Синчилина из сборника
КАПИТАН ЗВЕЗДОЛЕТА, Калининград: Калининградское
книжное издательство, 1962 г.*
*Заставка В. Носкова из антологии АЛЬФА ЭРИДАНА
М.: Молодая гвардия, 1960 г.*
*Рисунок В. Карасева из авторского сборника
АЛГОРИТМ УСПЕХА
М.: Молодая гвардия, 1983 г.*
*Использованы рисунки Н. Гришина и В. Носкова
из книги Б. Ляпунова ОТКРЫТИЕ МИРА.
М.: Молодая гвардия, 1954 г.*

В. САВЧЕНКО

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СТРАННУЮ ПЛАНЕТУ

Косматый пылающий диск Ближайшей стремительно погружался за желто-красные острые хребты горизонта. Вместе с Ближайшей торопливо нырнули за скалы гроздь крупных звезд. Вся ослепительная пиротехника заката заняла не больше полминуты. неподвижно висевший в высоте корпус звездолета еще несколько времени играл отраженным светом. Но вот и он растворился в черной пустоте.

— Смотри-ка, Сандро, — сказал, не оборачиваясь, Новак, — а вон Солнце. Чуть ниже корпуса «Фотона», видишь?

— Вижу...

Некоторое время они следили за неяркой желтоватой звездочкой, быстро плывшей за иллюминатором. В кабине разведочной ракеты было сумрачно, хотелось молчать. Ракета лежала на сухой, каменной площадке.

Что-то звонко шелкнуло, осветился экран. На нем возникло возбужденное лицо Патрика Лоу, дежурного по звездолету:

— Капитан! Он и снова что-то передавали о нас... Удалось записать. Пускаю для вас запись через замедлитель...

Экран мигнул раз-другой, на нем появились расплывчатые пульсирующие линии, потом внезапно стали возникать и исчезать быстрые, как вспышки, изображения. Антон Новак и Сандро Рид затаив дыхание всматривались.

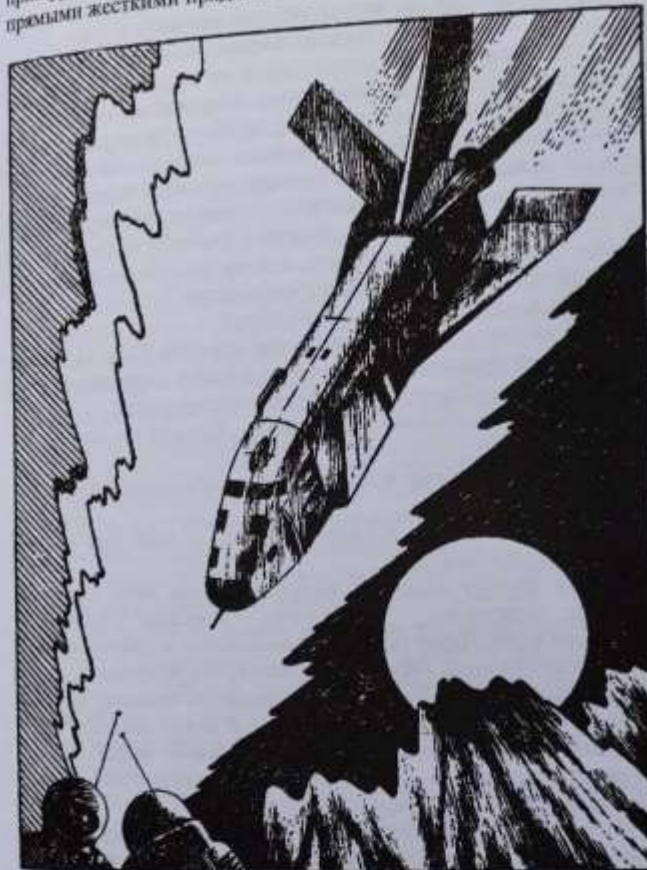
Вот их разведочная ракета, медленно скользящая вниз, на поверхность Странной планеты... Вот два человека, прикившие к скалам в нелепо напряженных позах... Мелькнули какие-то упрощенные и непонятные, вероятно символические, изображения. Затем (Новак вздрогнул от неожиданности) на экране появилось и стало надвигаться его же, Новака, продолговатое, искаженное гримасой лицо. Оно смехом вытянулось, потом сократилось, как детский шар, из которого выпускают воздух. Сандро возмущенно фыркнул.

— Это вчера, когда их «торпедка» пикировала прямо на меня, — пробормотал Новак. — Я поднял голову... Ага, вот и ты!

Показалась голова Сандро Рида в прозрачном колпаке скаффандра. Черты лица тоже были карикатурно искажены... Затем появились Максим Лихо, Патрик Лоу и Юлий Торрена. Они, странно наклонившись вперед и вкось, будто падая, двигались по поверхности планеты...

Снова замелькали символы. Потом в квадрат экрана в тела «торпедка»: были отчетливо видны четыре острых конуса на носу, ребристые полосы вдоль сигарообразного фюзеляжа, три плоскости хвоста, похожие на стабилизатор бомбы

крупного калибра. «Торпедка» исчезла. Весь экран крупным планом заняло сосредоточенное лицо Ло Вей с внимательно прищуренными, узкими глазами, растрепавшимися над лбом прядями жесткими прядями. Экран медленно погас.

— Но ведь Ло Вей не опускался на планету! — воскликнул Сандро. — Как же?..

— Значит, они наблюдают и за звездолетом. Ло не раз выходил на борт, проверял антенны.

— Зачем?! — крикнул Сандро. — Она нас запеленгует!
 — Ничего. Мы сейчас сделаем небольшой опыт...
 «Фотон-два»!
 — Слышу вас, капитан!
 — Патрик? Включите систему радиопомех на всю мощность, держите нас под ее прицелом. По моему сигналу пошлите луч на нас.
 — Хорошо!

...«Торпедка» пикировала прямо на них — беззвучно и ослепительно, как молния перед ударом грома. Сердца Сандро и Антона сжались в тоске. Серебристая капля вырастала так стремительно, что глаз не успевал улавливать подробности. Но вот — в неудовимое мгновение, метрах в двадцати-тридцати над их головами — она затормозила и повисла в пустоте. От огромного разряда магнитного поля искривился горизонт. Раскалились добела и тотчас потемнели, остыли какие-то осколки камней. «Торпедка» кувыркнулась и взмыла вверх... Сандро и Антон одновременно выдохнули воздух из легких.

— Патрик! — снова сказал Новак. — Переключите систему помех на автоматическое управление от моих биотоков. Иначе ничего не выйдет. Включите луч на максимальную энергию.

— Готово! — тотчас доложили из звездолета.

Антон снова и снова рассматривал в микроскоп неровные блестящие сколы, то веря, то пугаясь возникшей в мозгу идее. Он видел коричневые шестигранные ячейки, сплетенные в причудливую мозанку, сверкающие прослойки белого металла, желтые прозрачные кристаллики... Когда ослепительная Ближайшая снова взлетела в черное небо, Новак поднял испаленные, покрасневшие от напряженного всматривания глаза на дремавшего Рида, осторожно тронул его за плечо:
 — Знаешь, Сандро, мы с тобой убили живое существо...
 Причем гораздо более высокоорганизованное, чем мы — люди.
 — Как?! Что?! — Сандро широко раскрыл глаза. — Неужели в «торпедке»?..

— Нет, не в «торпедке», — перебил его Новак. — Не в «торпедке», а, гм... — нам бы следовало догадаться об этом раньше, — а сами «торпедки» — живые существа...
 Никаких иных на этой планете, вероятно, нет.

За стеклом иллюминатора, как летящие светлячки, скользили звезды. Сверкали скалы, нагромождаясь к полносу торпедную стену.

В-за горизонта, на небольшой высоте, выскочила «торпедка» и помчалась «вниз» колодами, многокилометровыми прыжками.

— Почему — «мы с тобой убили»? — тихо и неуверенно пробормотал, глядя в сторону, Сандро. — Ведь я же не знал, что ты сделаешь это...

Новак удивленно посмотрел на него, но промолчал.

Ло Вей и Патрик Лоу включили экран. Вначале Земля была такой, как ее видит возвращающийся из экспедиций астронавты: большой шар, окутанный голубой дымкой атмосферы, сквозь которую смутно обозначаются зеленые и пестрые пятна континентов и островов среди сне-

купи
мои
дом
был
по
игри
нах
или
сота
прир
сота
оде
ний
Под

мчи
к же
ленн
плод
нить
шнн
сне
сцеп

Лоу
зем
рабо
ний
влас
нико
запа
она
скор
так
крас
из с
и то
к ве

Перед отлетом в обратный путь весь экипаж «Фотона-2» собрался в общей кают-компании, чтобы обсудить результаты экспедиции. О сделанном докладывали кратко: впереди были четыре года пути, по необходимости отведенные для тщательной обработки всех данных, собранных за два месяца работы на Странной планете, для расчетов, споров, точных выводов.

Сандро Рид — самый молодой в экспедиции — перечислил свои геологические находки на Странной планете. Максим Лихо — седоволосый гигант с простодушными синими глазами, спутник Новак по первой экспедиции — сообщил об открытии неизвестных ранее частиц в излучении Ближайшей. Ло Вей и Патрик Лоу скупко рассказали о записях видеоизлучения «торпедок» и о результатах наблюдений за динамикой их движений в пространстве. Худошавый, смуглолицый Юлий Торрена увлекся было, рассказывая о наблюдении новых гравитационных и магнитных эффектов, связанных с быстрым вращением Странной планеты, но его деликатно «закруглили».

Новак докладывал последним:

— ...Нам пришлось долго наблюдать, чтобы увидеть очевидное: эти «летательные аппараты», эти «торпедки» и есть именно те живые существа, которые населяют Странную планету. Странная планета — странная жизнь... По-видимому, она сродни не нам, а скорее тому, что создано руками и умом человека: электрическим двигателям, фотоэлементам, ракетам.

— Да ведь тогда были совсем не те «торпедки», что сейчас. Если следовать твоей гипотезе, то они так же отличались от нынешних, как мы отличаемся от питекантропов. Они рождаются с неслыханной стремительностью! Убить существо мыслящее, возможно, обладающее большим разумом, чем наш... нет, этого нельзя было делать. Что они подумают о нас, людях Земли? — Максим Лихо покачал головой и упрямо повторил: — Этого не следовало делать.

Остальные молчали. Новак поднялся с кресла: — Понятное дело: трудно сразу осмыслить все это. Ну, что ж, впереди у нас немало времени... Сопевание закончено. А сейчас, — в голосе его прозвучали властные, командные нотки, — сейчас всем готовиться к старту!

Новак ошибся: времени для размышлений оказалось немного.

Тело, очертаниями напоминавшее космический корабль, первым заметил Сандро Рид.

«Фотон-2», набирая скорость, уже десятые сутки огибал Ближайшую и выходил на расчетную инерционную траекторию, которая должна была привести его к Солнечной системе. Члены экипажа, прикованные к сиденьям четырехкратной перегрузкой, тяготились от вынужденного безделья и неподвижности. Сандро выбрал себе хорошее место — обсерваторию — и наблюдал за созвездиями. Он и заметил какое-то тело, частично затемнявшее собой уменьшающийся диск Ближайшей. «Фотон-2» набрал уже более 40 тысяч километров в секунду, но пятно не отставало, а наоборот, приближалось. Слепящие вспышки антигедия, сгоравшего в дюзах звездолета, мешали как следует рассмотреть форму этого пятна.

Сандро вызвал рубку управления:

— Антон! Нужно остановить двигатели.

— В чем дело? — На экране было видно, как Новак от изумления попытался подняться в кресле.

— За нами летит что-то... какое-то тело...

Когда выключили двигатели, автоматически заработали два центробежных маховика — на носу и корме звездолета. Они создавали противовращение огромной массы «Фотона-2» со скоростью десять оборотов в минуту: этого было достаточно, чтобы создать в жилой и рабочей частях корабля нормальное центростремительное тяготение. Небо за кормой стало казаться уходящим вдаль конусом из тонких светящихся окружностей, стремительно прочерчиваемых звездами. Диск Ближайшей описывал яркое огненное колесо. В этой головокружительно вращающейся Вселенной трудно было что-либо разобрать. Новаку пришлось переключить маховики на обратный ход, чтобы приостановить вращение звездолета. Через полчаса небо приняло нормальный вид.

Пожалуй, это пятно нельзя было назвать «кораблем»: это был плотный рой из нескольких тысяч «торпедок»! Рой двигался, принимая то форму шара, то вытягиваясь в эллипсоид. Изнутри роя исходило яркое переменное свечение. Была ритмическая связь между изменениями яркости свечения, колебаниями формы роя и его движением. Похоже было,

— Ты, Юлий?

— Нужно тщательно изучить, как движется рой. — В черных глазах Торрены светилось любопытство ученого. — Нет замкнутой конструкции и, судя по всему, нет антивещества, а они уже достигли скорости сорок тысяч километров в секунду. Интересно, смогут ли они достичь околосветовых скоростей?

— А ты, Ло Вей?

Ло ответил не сразу:

— Они не хотели с нами общаться, даже не пытались хоть как-то сообщить нам, что полетят за нами... Это настораживает.

— Вы что думаете, Патрик?

— Откровенно говоря, мне нравится идея — привести их на Землю. Вот и все... А ваше мнение, капитан?

— Мое мнение? — Новак оглядел всех и сказал, чеканя: — Нам следует любыми путями отделаться от них!

Слова Новака вызвали горячие возражения. Его поддерживал только Ло Вей. Однако время не терпело — решили продолжить дискуссию из кабин. Все разошлись по своим местам.

Новак вернулся в рубку управления и включил двигатели; он еще надеялся, что рой «торпедок» не выдержит соревнования в скорости.

Шли сороковые сутки разгона. «Фотон-2» близился к полусветовой скорости, однако рой не отставал. Гигантскими прыжками-вспышками он настигал звездолет, как только тот удалялся от него на несколько тысяч километров. Юлий Торрена исследовал спектры вспышек, однако мог только сказать,

наша кинограмма как-то дошла до них. Для них понять нас было действительно несравнимо более тяжелой задачей в этом ты, Антон, был прав...

Новак поднял глаза на товарищей:
— Я считаю... мне нельзя быть вашим капитаном. Выберите другого.

— Э, зачем так, Антон! — Патрик Лоу досадливо поморщился. — В конце концов, каждый из нас отставал свое как мог.

— И пока — еще никто не прав... — добавил Торрена.

— Анти смущает то, о чем мы все уже забыли... — Исцарапанные щеки Сандро растянулись в лукавой усмешке. — Как мы... как нас захлопнули в кают-компани... Ну, словом...

— Общий смех запутал его еще больше. — Не думай об этом, Антон, вот и все.

— Конечно! — Максим положил руку на плечо Новака. — Ведь все случилось ни по-твоему, ни по-нашему. Эти «стоп-недкит» — умницы, что ни говори! Мы еще полетим на Странную планету и договоримся с ними, вот увидишь!

Даже если бы у Новака внезапно не перехватило горло, он все равно не смог бы сказать товарищам того, что хотел. Потому что это были не мысли, а чувства — а выражать их он не умел и стеснялся. Он просто повернул голову к звездной карте, висевшей на стене, и изучал ее чуть дольше, чем следует. Потом повернулся к команде:

— Будем поворачивать на инерционную траекторию. Всем — по местам!

ПРИВИДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Научно-фантастическая повесть

Перевод с украинского под редакцией
А. Никольского

Художник

Рафаэль Масаутов

Пролог ЛЕДЯНЫЕ АСТЕРОИДЫ

Шёл последний час дежурства Рустама Синга в диспетчерском пункте грузовой трассы Земля — Космострой — Венера — Меркурий.

Ночная Земля мерцала скоплением огней в городах и на дорогах Африканского континента. Красновато-жёлтый рассвет подсвечивал только край Атлантического океана. А здесь, на стационарной орбите, в чёрном небе ещё владычествовало косматое солнце. Оно нанизывало, будто стеклянные бусинки, на свои лучи маневровые ракеты, которые сновали между шаровыми и дисковыми ангарами Космостроя.

К востоку от диспетчерского спутника лучи обрывались в конусе ночи. Там по искусственному Млечному Пути тянулась вереница огней.

Работа была несложная: следить на экранах и световых табло за движением автоматических ракет, принимать с трасс рапорты контрольных автоматов, скучать, ожидая, когда случится что-то непредвиденное, когда понадобится человеческая инициатива (за все дежурства Рустама такого ещё не случилось), да ещё постоянно препираться с теми, кто отправляет и получает грузы, — их никогда не устраивал оптимальный, рассчитанный машинами режим перевозок. Рустам усмехнулся: стоило бы вместо «оптимальный» назвать этот режим как-то иначе — ведь он никогда никого не устраивает.

Тихо прогудел зуммер возле телеэкрана «Земля». Ну, вот, пожалуйста! Рустам недовольно подошёл к пульту.

— Диспетчер Синг!

— Конструктор Ферро, Антарктида, Институт вакуумной сборки! — отрекомендовался лысый мужчина с роскошной рыжей бородой. Было видно, что он крайне возмущён. — П-о-очему до сих пор не отправлены на венерианскую станцию мои аппараты лучевой сварки?

Способ безракетного путешествия в космосе человека, охлаждаемого почти до абсолютного нуля в защитной ледяной оболочке, применяли в Солнечной лет двадцать, хотя технически это выполнялось иначе. Поэтому вернуть этих троих к жизни не составило труда.

Астеронды прогрели инфразлучателями. Диспетчер Синг, увидев на экране, как из камеры теплового пробуждения вышла сероглазая красавица, воскликнул:

— И такую женщину я чуть не испепелил ядерной ракетой!

Высокий, слегка сутулый человек не спеша шагал по лестнице к комнате на пятом этаже, где отдыхали три астронавта. Председатель Звёздного комитета Остап Искра весь день сегодня провёл в Центральном архиве звездоплавания. И сейчас заново вспоминал то, что ему удалось узнать из микрофильмов старых научных отчётов, поблёкших газетных вырезок, фотографий, магнитных записей рапортов патрульных автоматов об этих троих.

...На расстоянии десяти парсеков от Солнца в холодном пространстве летит жёлто-оранжевая звезда, принадлежащая созвездию Тельца. Она не имеет названия. В звёздном каталоге Гумбриджа есть лишь её номер — Г-1920. Невооружённым глазом звезду можно увидеть только с Луны, где наблюдению не мешает атмосфера. Звезда мчится к дальней группе Плеяд с чрезвычайной для системы Млечного Пути скоростью — 360 километров в секунду.

Часть первая
ПРИЗРАКИ ВРЕМЕНИ

1. ОТКРЫТИЕ

В механическом отсеке раздавались чистые мелодичные звуки скрипок. У каждого астронавта были свои любимые композиторы, свои избранные записи. Иван Корнев любил Третий концерт Бетховена для фортепиано с оркестром и часто его проигрывал. Под эту музыку хорошо работалось и думалось. Вступление скрипок в темпе медленного марша. Потом нежная, певучая мелодия... Сейчас вступит фортепиано...

В динамиках щёлкнуло, и послышался тенорок Стефана Марта:

— Иван, а со звездой что-то случилось...

— Случилось? — Капитан корабля выключил станок, удивлённо склонился на динамик. — Испортилась, что ли?

— Не знаю. Она не становится ярче.

— Это из-за увеличения скорости, оптический обман. Звезда была оранжевой, потом пожелтела, теперь стала голубой. Эффекты Доплера. Ведь максимальная чувствительность глаза приходится на жёлтый...

— Спасибо, это я тоже хорошо знаю! Но вот сейчас смотрю — и глазам не верю.

— А скорость? — Корнев вытер руки тряпкой.
— Нормальная — 0,82 световой. С чего ей меняться? Двигатели выключены. — Стефан пригладил пятернёй редкие волосы. — Слушай, Иван, ты понимаешь что-нибудь? Мы летим к звезде, а она тускнеет! Мы прошли почти половину пути. Г-1920 должна светить втрое ярче, а она...

— Фотоэлементы в порядке?

— А с чего им быть не в порядке? Это же кристаллы.

— Ты всё-таки проверь. Полупроводники, они иногда...

— Хорошо. — Стефан повернулся к двери.

— Подожди! — окликнул Корнев. — Пойдём вместе.

В стометровом коридоре, который вёл мимо рубки управления в носовую обсерваторию, тоже разносились звуки фортепиано с оркестром. Здесь было прохладно — как всегда, когда не работали двигатели. Корнев и Март прошли мимо оранжереи — там пышно цвели розы и пионы, зеленели овощные грядки, выстроились выведенные специально для пассажирских планетолётов карликовые яблони и апельсиновые деревья. Прошли овальные двери кают, люки пищевых холодильников, покрытые инеем двери отсека с установкой

Холод
в они
алестут
льда.

Полн
ались,
исякло
только
часное
амп...
ничуд-
и пре-
ороте,
нкий
пилот

ли сто
нёмск
ни.

Кэзи-
стор
ачна
вным
тожс

и.
ми.
ёды
рнос
сти.
о ргу
лько
мор-

но вы
Он
ли лук
«В
умные
тевши
ослож
будет
оберег

От

неволе
Ма

Вы с
чтобы
Ко
шую я

У мен
вспом
родил

У

чтоб в

...
вестни
идик
штурм
боков
пульт
кубы
Потол
с ф
Перо
ведёт

ошиблись, измеряя яркость и параллакс Г-1920. Важно, действительно ли мы летим не в ту сторону. А может, здесь что-нибудь другое?

— А я это и проверяю, — не поднимая головы от журналов, буркнул Бруно.

— Может, какие-то изменения пространства? — вслух размышлял пилот. — Например, зеркальное отражение в пространстве.

— Что бы то ни было: зеркальное отражение, обратное время или ещё что-то, — но мы летим не туда, — сухо подтвердил Март. — Это факт. Надо поворачивать! — И он снова тоскливо устался в пол.

— Мы удаляемся... Каждая секунда раздумий уносит нас на 390 тысяч километров не в ту сторону... — Марина нервно стискивала пальцы. — Пятнадцать лет лететь не туда!

— Иван, мы же видим звезду Г-1920 там, около группы Плеяд, — звонко сказала Галина. — Видим, понимаешь? Как же поворачивать назад?

— Зажмуриться, — тихо посоветовал Летье.

Стефан поднял голову, укоризненно взглянул на пилота. «Он ещё шутит...» А на самом деле со звездой всё ясно. Законы механики неумолимы. Звезды нет. Надо возвращаться. На Землю, домой. Экспедиция не удалась.

— Но почему? — подняла пушистые брови Галина. — Мы ведь сделали такое открытие — нашли в пространстве звезду с обратным ходом света!

— Сделали? — Бруно даже подскочил. Его глаза и лысина сияли в свете газовых трубок. — Ты действительно считаешь, что это сделали мы? Интересно, когда же? Когда лежали в контейнерах или отворачивались от фактов, плевали на наблюдения? А может, тогда, когда исправляли гироавтомат? А!? Мне приходилось испытывать радость открытия. Это был труд, поиск, творчество — и это было настоящее счастье. А теперь я не чувствую ни счастья, ни восторга. Мне стыдно. «Нашли звезду с обратным ходом!» Не думал, что самый правильный способ поиска — бежать с субсветовой скоростью от объекта поиска!

— Здесь всё предусмотрено, — сказал он: — что выбрасывать, последовательность демонтажа и прочее. Только... — Он нерешительно посмотрел на товарищей. — Пожалуй, лучше рассказать всё по порядку. Основа расчётов заключается в следующем...

Ему тяжело было начать. Таким угрюмым, собранным и решительным товарищи ещё никогда не видели Корнева. Это насторожило всех.

5. СТЕФАН МАРТ

— А как получилось, — спросил председатель Звёздного комитета, — что один ледяной контейнер опередил два других на целые сутки? Кстати, кто из вас находился в этом контейнере?

— Я, — смущённо ответил конструктор Март. Уже спустилась ночь. На улицах засияли пунктиры белых фонарей, геометрическая огненная россыпь окон, разноцветные линии вывесок и реклам. Огоньки мерцали во влажном воздухе. А наверху мелькали, переливались всеми красками спектра — от красного до голубого — большие звёзды. Ступени Космосстроя вереницей белых шариков пересекали искрящуюся пыль Млечного Пути. Над чёрными топилями набережной плыла Венера.

— Неужели вы стартовали не вместе? Или система катапультирования сработала нечётко?

— Система сработала прекрасно. — В голосе Галины Кран почувствовалась насмешка. — Нечётко сработал её конструктор...

Стефан укоризненно посмотрел на девушку.

— Да что там «нечётко»? Моё поведение было возмутительным. Стыдно вспомнить. Запутался я тогда во всём: в себе, в обстоятельствах, в своих idiotских честолюбивых мыслях...

Из-за чёрных гор, увлекая за собой хвост стартового пламени, рванула вверх ракета. Трепетный жёлтый свет на несколько секунд осветил всё вокруг. Хвост огня за ракетой быстро сокращался, устремляясь к звёздам.

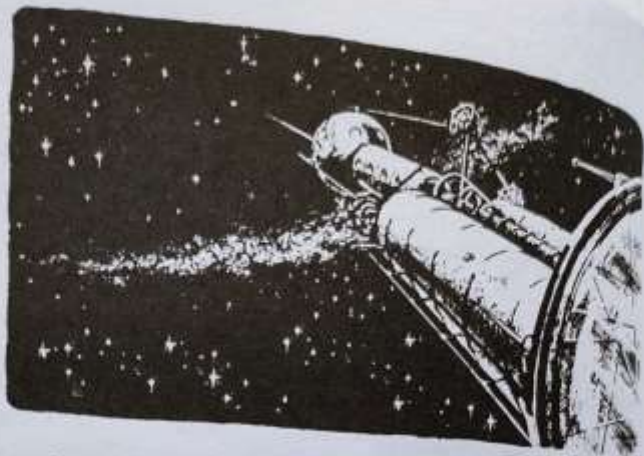
И только когда ракета исчезла в темноте ночи среди светил и огней Космосстроя, послышался грохот стартового взрыва.

— Больше всего меня угнетает, — произнёс Март, — что и они там сейчас думают обо мне плохо...

«Буревестнику» летел сквозь безграничную звёздную ночь. Собственная инерция всё ещё тянула его назад, и он боролся с ней, отталкиваясь от пространства двухсотметровым столбом бело-голубого огня. Будь это в атмосфере, даже в самых высоких слоях, — грохот аннигиляции сотрясал бы скалы и ломал деревья, но чёрная пустота глотала столб беззвучно.

Стефан Март обходил отсеки звездолёта и, заглядывая в список, отмечал мелом места, где завтра команда начнёт развинчивать, резать, ломать... «Так, наверно, католики рисовали кресты на дверях гугенотов перед Варфоломеевской ночью, — подумал он. — Ладно, разметку я сделаю, но сам ломать не буду, премного благодарен!»

Он карабкался по скобам. Теперь, когда двигатели работали, коридор звездолёта превратился в полуторасотметровую шахту. Снизу тянуло теплом.

Конструкторы из «Гипрозвезда» разинули бы рты, увидев, как он решил задачу с двигателями. «Проект самосъедания звездолёта» — так окрестили когда-то проект эти остряки звездолёта — и в каких условиях: в космосе, на субсветовой скорости! Теперь пояс аннигиляционных камер силой своей тяги сам понемногу сдвигался вперёд по корпусу «Буревестника», а стенки и перегородки опустевших топливных отсеков вместо того, чтобы висеть на корме ненужным балластом, тоже сгорали. Это изобретение позволило увеличить скорость звездолёта на 6000 километров в секунду.

Деревья оранжереи торчали из плотной земляной стены, словно дула орудий, окутанные зелёным дымом. Стефан взглянул и удивился: кому это пришло в голову поставить подпорки под ветви? Теперь это уже ни к чему.

«Да это же я и Корнев — ещё когда измеряли параллель Г-1920», — вспомнил он и грустно улыбнулся. Трое суток прошло с тех пор, трое суток, которые перевернули их жизнь.

Стефан дотянулся до ближайшей карликовой яблоньки, сорвал крупное яблоко, стал разглядывать. Яблоко было зеленоватое, твёрдое, на прозрачной кожице проступали белые крапинки. Первые яблоки — они все так ждали их, а теперь никто и не вспомнил. Стефан положил яблоко в карман и пошел по скобам выше.

Но что-то в этом есть, если можно получать позитроны, антипротоны, антинейтроны и синтезировать из них антигелий. Думай, физик, думай...»

А «Буревестник» мчался сквозь звёздную ночь. Столб бело-голубого огня за кормой удлинился: Стефан повысил тягу торможения в полтора раза.

6. ИВАН КОРНЕВ

Музыка звучала в звездолёте — в отсеках, в коридоре, в каютах. Но теперь к звукам фортепиано, скрипок, контрабасов, арф всё чаще примешивался стук, скрежет и лязг металла, шипение газовых резаков.

Летье и Бруно Аскер в скафандрах с магнитными присосками на ботинках ползали по необъятному корпусу звездолёта, отделяли газовыми резаками кожу бортовых двигателей, обнажая многотонные камеры из чёрного ядерного монолита.

мом
бы
ис
ис

стер
ство
ту
Г-1920
на
зеркал

Физик заложил руки за спину и, словно приготовившись к нападению, посмотрел на ошарашенных товарищей.

— Постой, постой, — Корнев наморщил лоб, размышляя. — Вещество Дирака?

— Да, вещество Дирака — вакуум, — кивнул Аскер. — только в более удобном для применения виде. У Дирака в каждой точке вакуума множество частиц с отрицательной энергией. Они там двинуться не могут и потому никак себя не проявляют... Возможно, дей-

ствительно так и есть, но не во всей Вселенной, а только у скоплений обычного вещества или антивещества. Ведь опытные данные относятся именно к пространству возле Земли и Солнца... А между звездами — пустота, не заполненная ничем, кроме космических лучей и силовых полей. Это не более естественно, чем Вселенная, по самое некуда набитая отрицательными частицами... А если так, то в мировом пространстве могут быть и скопления вещества Дирака с отрицательной энергией, но уже в естественном состоянии — в форме звёзд и планет, атмосферных газов, ядерной плазмы, минералов, морей и даже живности; говоря языком физики, в форме скоплений частиц, которые движутся и взаимодействуют.

«О чём они говорят? Что они доказывают, когда кричать хочется! Они притворяются: и Иван, и Бруно, и Тони — все! Разве эти абстрактные догадки что-нибудь значат по сравнению с тем, что произойдёт с нами?» — отчаянно думала Галина.

— На черта мне всё это нужно?! — тоном, рассчитанным на скандал, выкрикнул Стефан Март и направился к выходу. Никто не последовал за ним. Астронавты молча проводили его отрешёнными взглядами.

боте
всем
меха
звезд
энер
если
—
латы
роше
рине
Б
на То
—
прист
рых о
—
мы не
фев
ются
Но...
что по
ная э
энерги
—
—
это ли
есть по
ный, о
ства с
цатель
житель
—
которы
тельно
ложны
положи
конечн

Какая бы ни была напряжённая обстановка, все засмеялись. Стефан Март огляделся, злой, красный, махнул рукой.

— А ну вас всех! — И выскочил из отсека.

Минуты через две неожиданно мягко качнулся пол, послышался отдалённый лягз.

— Что это? — вскочил Бруно.

— Это Стефан! — Летё выбежал из отсека.

За ним бросились другие.

— Не спешите! — крикнул Иван. — Вы его уже не догоните!

Он поднялся к пульту, включил овальный экран. Круги звёзд образовали тоннель с блестящими сводами. Там, где тоннель сходиллся, мелькало маленькое тёмное тело. Корнев включил прожектор — тело блеснуло алмазными прямоугольными гранями.

Вошёл пилот и, держа перед глазами листок бумаги, растерянно прочитал:

— «Март сделал своё дело — Март может уйти. Терпеть не могу прощаться. Не знаю, с кем встречу на Земле». — Тони смял бумажку. — Пижон!

Галинка. Звали его Максим Лихо. Он тоже был пилот, как и я... Не всё по силам человеку, Галя. Тогда я это понял. Понял, но не испугался. В этом, вероятно, и заключается мужество. Я не расскажу тебе, чтобы не огорчать. Чужой опыт никогда не станет своим. Пусть у тебя будет свой опыт, Галинка. Пусть он научит тебя мужеству, девочка...»

По замыслу электромагнитная катапульта должна была выбрасывать только шары — астродатчики. Но когда оборудовали звездолёт, Корнев предложил смонтировать её в одном блоке с установкой «Засыпание-пробуждение». В случае крушения, когда корабль невозможно было бы спасти, катапульта автоматически выбросила бы в пространство замороженные в глыбы льда тела астронавтов.

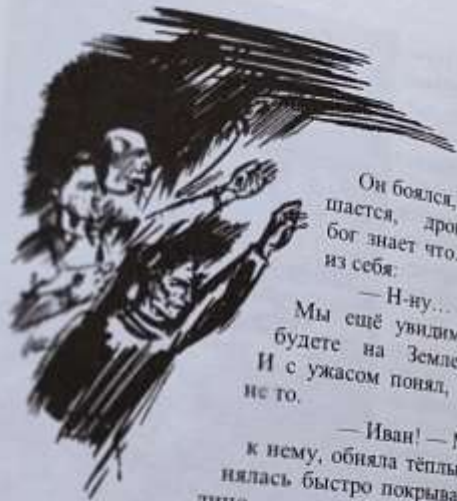
Теперь она пригодилась.

— Вы осторожнее, ребята, — наставляла Марина. — А то пушка выбросит нас с такой силой, что мы расколемся на куски. А потом на Земле нас с Галиной соберут не так.

Она шутила. Она ещё находила в себе силы шутить. Наконец всё было готово: наполненные водой контейнеры установили в ленточную обойму. Затвор электромагнитной пушки раскрылся, готовый принять первый контейнер с человеком. Корнев и Бруно заняли места у молекулярных генераторов, нацелили их параболические зеркала на ближайший к катапульты цилиндр. Летё стоял у пульта пушки.

Исчезли улыбки, не слышно ни шуток, ни разговоров. Корнев до боли стиснул челюсти и не отваживался расслабить их. «Надо что-то сказать. Непременно...»

Он боялся, что голос не постышется, дрогнет и начнётся бог знает что. Наконец, выдал из себя:

— Н-ну... До встречи... Мы ещё увидимся. Вы, вероятно, будете на Земле раньше нас — И с ужасом понял, что сказал совсем не то.

— Иван! — Мария бросилась к нему, обняла тёплыми руками и принялась быстро покрывать поцелуем его лицо.

— Маринка... Хватит, не надо — Голос Корнева нехорошо задрожал. — Перестань, прошу тебя! — Он разнял её руки. — Иди.

Галина тоже рванулась к Летье, но, встретив его напряжённый, сухой и холодный взгляд, сникла... Бруно по очереди молча обнял астронавтов, отошёл к генератору.

Капитан овладел собой, приказал спокойно и властно:

— Раздеться и в контейнеры!

Лишняя вода выплеснулась, на полу образовались лужи.

Астронавты стояли по шею в воде. Вода разламывала их тела — головы казались отделёнными от туловища.

— Галина Крон, приготовься.

— До свидания, товарищи! До свидания, Тони!

Голова Галины ушла под воду. Корнев и Бруно одновременно нажали кнопки генераторов — на них повеяло теплом. Это мгновенно выделилась в виде инфракрасного излучения вся тепловая энергия воды и тела девушки. А уже через секунду повеяло холодом, контейнер оброс колючим инеем.

— До свидания, Галинка... — тихо сказал пилот.

Подождав немного, он перекинул рычажок. Дальше катюльта действовала сама: дязгнув, передвинулась обойма.

контейнер лёг в затвор пушки, плоская штанга подала его немного вверх. Удар магнитного поля, от которого шатнуло пол под ногами, выбросил радиоинженера Галину Крон в космос.

— Мария Плашек, приготовься!

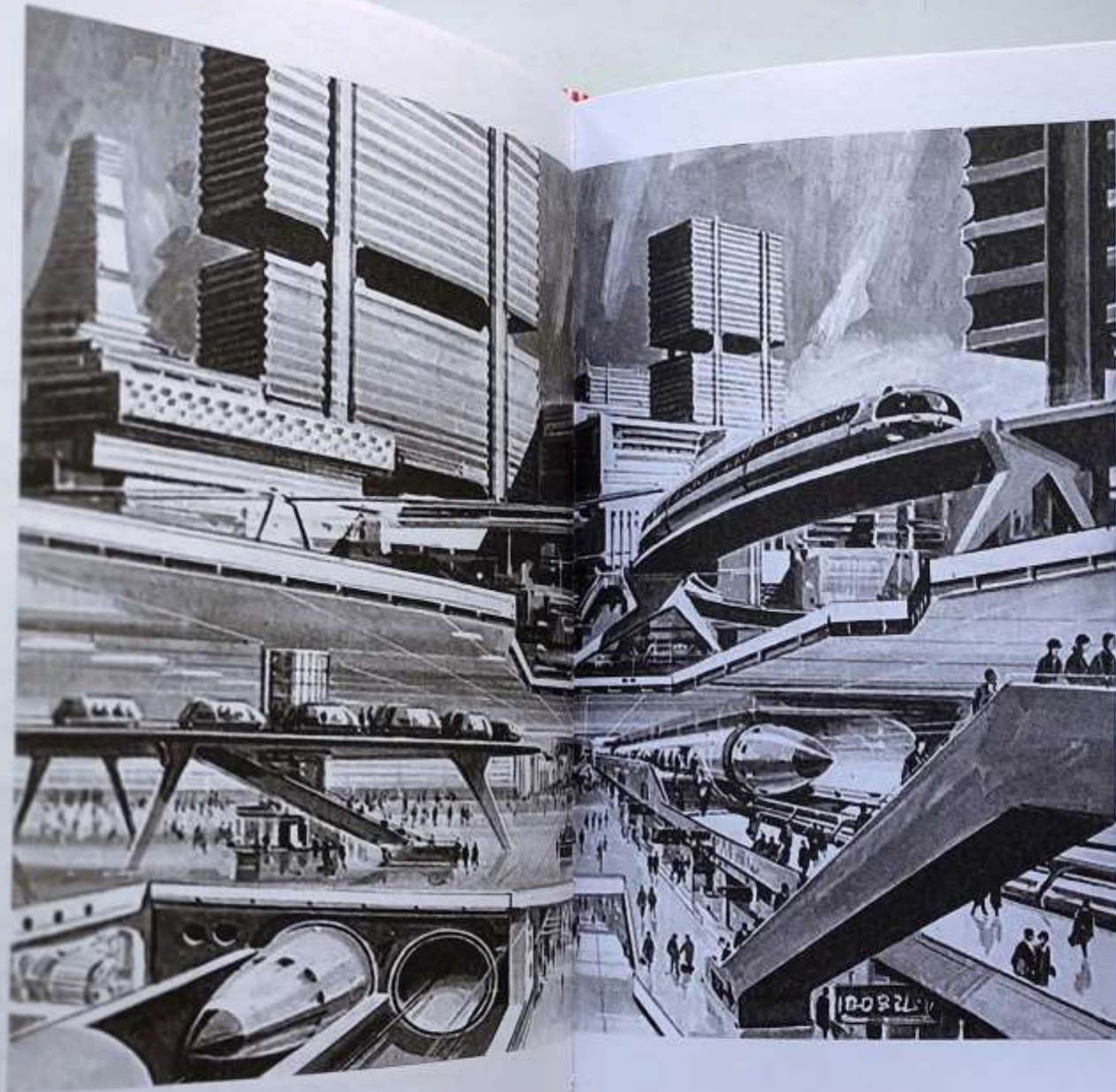
— До свидания, Иван! До встречи, товарищи!

Женщина замолчала.

«И что же дальше?» — хотел спросить Остап Искра, но спохватился... Дальше — ничего. «Ничего» продолжалось пятьдесят лет, пока Марина Плашек не открыла свои прекрасные серые глаза здесь, в Астрограде.

Было уже за полночь. Автомат городской осветительной сети одну за другой выключал шеренги белых уличных огней. Казалось, ночь стирает светящиеся линии города. Вскоре остались только красные сигналы на радиомачтах, кое-где светились окна в домах, да звёзды сияли в небе.

«Как помочь тем троим? Ведь экспедиция в аварийных условиях... — размышлял Искра. — Послать встречный звездолёт? Разминутся. Да и что это даст? Связаться? Невозможно, пока не подлетят хоть на два парсека поближе. Остаётся только верить и ждать. Если всё прошло нормально, то через три-четыре года они будут здесь. Необходимо установить тщательное наблюдение за этим сектором пространства».

— Смотрите! — Гаина показала рукой.

Там, где звёздная россыпь обрывала чёрные зубрины гор, поднималось созвездие Ориона. Над поясом из трёх ярких мерцающих звёзд оранжевым угольком пылал Антарес.

Остап Искра по-новому смотрел на знакомую звезду. Где-то вблизи неё и таинственная Г-1920 — звезда, впитывающая лучи.

— Скажите, товарищ председатель, — спросила вдруг Марина, — а как бы вы действовали в такой ситуации?

— Серьёзный вопрос! — усмехнулся Остап Искра. — Сразу и не ответишь...

Но астронавты смотрели на него так требовательно, что он понял: пустыми словами здесь не отделаешься. Для них его ответ — оценка экспедиции, их дел и поступков.

Глава Звёздного комитета задумался. Он ещё раз придирчиво перебрал в памяти всё, что знал и что ему рассказали сейчас, и поднял голову.

— Наверное, так же.

Часть вторая МУЖЕСТВО

1. МИМО ЗЕМЛИ

Прошла только минута с того момента, когда в третий раз сработала катапульта, — одна из тех минут, которые запоминаются лучше, чем иные годы.

Астронавты молча прибирали отсек УЗП.

— Тоскливо будет, ребята, — нарушил тишину Бруно.

— Теперь ты сможешь проверить свои расчёты на практике, — отозвался Летье. Он закатал штаны и принялся собирать губкой воду с пола.

— Какие расчёты? — не понял Бруно.

— Расчёт «времени надоедания».

— А-а...

Помолчали.

— Зря ты с ней так... — укоризненно бросил Корнев, поворачивая в сторону башню генератора.

Тони понял, о чём идёт речь.

— Нет, не зря. Может быть, мы не вернёмся. Зачем ей потом любить воспоминание? Будет ждать неизвестно чего. Пусть быстрее выбросит меня из головы. Зачем ей портить себе жизнь!

— А ребёнок?

Корнев облокотился на стол и задумался. Прошло более двух месяцев с тех пор, как они вышли в район звезды Г-1920.

Сначала Г-1920 походила на Солнце, каким его видят космонавты с орбиты Плутона: маленькая, почти без диска, жёлтая звезда. Только Г-1920 была более тусклой, и свет её сменился на апельсиновый.

Проходили дни «кипучей праздности», как выразился Тони. «Буревестнику», погасив двигатели, на малой скорости пробирался вперёд. «Пробирался», возможно, не то слово: вокруг по-прежнему была пустота, которую не разнообразили пока никакие явления. Время от времени астронавты запускали через электромагнитную катапульту кристаллические шары — датчики. Они углублялись в неисследованное пространство и лаконичными порциями радиосигналов сообщали об уровне радиации, о силовых полях, о наличии ионизированной и пылевидной материи.

Удалившись на пятьдесят — сто миллионов километров от корабля, радиодатчики постепенно затихали. Пока их данные мало отличались от предыдущих.

Однако в жизнь трёх астронавтов вошло напряжённое ожидание. Снова установили дежурство: Корнев, Бруно и Летье каждые два часа поочередно просматривали записи автоматонаблюдателей. Время от времени капитан останавливал вращение звездолёта, чтобы посмотреть, не появилось ли что-нибудь новое

по борту звёздной машины. Тогда наступала невесомость, приходилось перемещаться по отсекам с помощью скоб и магнитных ботинок.

От бывшей бытовой роскоши осталась только портативная кухонька на одну конфорку и две подвесные койки. Спали поочередно.

На двадцатые сутки после торможения Бруно вошёл в рубку и торжественно положил перед товарищами три листка с таблицами, формулами и числами. Все эти дни он просиживал в обсерватории, измерял яркость сверкающей за кормой лжезвезды, рассчитывал угловые перемещения «Буревестника» относительно далёких звёзд, вычислял скорость корабля по эффекту Доплера и сравнивал всё...

— Я вычислил скорость звездолёта тремя разными способами — по эффекту Доплера для лучей звезды Г-1920, по нарастанию её яркости и по смещению далёких звёзд. Результаты совпадают. Двадцать дней назад наша скорость составляла 251,5 километра в секунду, а теперь — 250,5. Звездолёт замедляет ход... Понимаете? Звезда отталкивает нас. Хотите проверить?

Корнев и Летье мельком просмотрели выкладки.

— Значит, Стефан пострамлён, — удовлетворённо произнёс Тони. — Звезда всё же есть! Один — ноль в нашу пользу.

— Два — ноль, — поправил Иван. — Обратное течение света и антигравитация.

— Если всё будет гладко, — радостно продолжал Бруно, — то звезда сама затормозит наш «Буревестник» в 28 миллионах километров от себя, а потом начнёт разгонять назад. Неплохо, а?

— Неплохо, — согласился Корнев и добавил: — Если всё будет гладко...

Сквозь прозрачный купол обсерватории на одном конце сиял жёлто-оранжевый призрак, а на другом — висел в пространстве, впитывая в себя лучи, ещё не видимый простым глазом чёрный сгусток настоящей Г-1920.

Через восемнадцать дней «Буревестник» приблизился к звезде. На искрящемся фоне звёзд и туманности теперь можно было различить её чёрный диск без телескопа. Скорость корабля уменьшилась вдвое. Была середина условной ночи. Тони дежурил в обсерватории: наблюдал звёзды то невооружённым глазом, то прикинув к телескопу. Корнев и Аскер спали в подвесных койках. Внезапно их разбудил раздавшийся в динамиках громкий крик:

— Планета! Планета!

Капитан и физик повскакивали с коек и, как были, босые прибежали в обсерваторию. Тони вместе со сферой и телескопом описывал круги. Он то наводил трубу на оранжевый «мнимый свет», то поворачивал её на сто восемьдесят градусов и рассматривал края чёрного диска Г-1920. От обсерватории веяло холодом. Космос высасывал тепло из-под прозрачного колпака.

— Ну-ка, дай посмотреть! — нетерпеливо бросил Бруно.

Летье остановил вращающуюся полусферу. Корнев и Бруно обосновались на сиденьях и, поёживаясь от холода, поочерёдно заглядывали в телескоп. Слабые глаза Бруно замечали только оранжевую искорку, очень медленно ползущую по чёрному пятну. Корнев и Летье различали диск планеты — правда, маленький и размытый абберрацией линз на предельном увеличении. А на светящемся пятне лжезвезды в другую сторону ползло чёрное пятнышко. Никаких подробностей на крошечном теле планеты астронавты не разглядели.

— Назовём её планетой Марины, — предложил Тони. — Девушка же первая заговорила о ней!

Первым пришёл в себя Корнев.
— Это метеоры! — Он метнулся к стене, распахнул дверь
в нишу, бросил товарищам аварийные воздушные маски —
резиновые шлемы с баллончиками, засунул такую же маску
себе за пазуху, выбежал на мостик. — Включаю торможение,
перегрузка 3 g! Летье, подготовь защитную энергопушку!
Аскер, наблюдай пространство через бортовые локаторы!
Метеоры могут залететь и сюда. По местам!

Боевой расчет при метеорной атаке был рассчитан
на шестерых: трое астронавтов должны были рассредоточиться
по звездолёту для ликвидации пробоев, пожаров, аварий;
остальные трое — дежурить у основных приборов. Теперь их
было всего три человека. Астронавты прочно закрепились
в сиденьях, торопливо настраивали приборы. Корнев лёг
в кресло на мостике.

«Хорошо, что я заранее повернул корабль, — мелькнула
мысль. — Полторы минуты маневрирования занесли бы нас
в самое пекло». Он нажал кнопку. Двигатели загудели сначала
чуть слышно, потом громче. Перегрузка прижала тело к мяг-
кой обшивке.

— Вижу метеоры! — донёсся снизу сдавленный голос
Бруно. — Поток идёт мимо. Часть ответвляется. Один осколок
летит на нас!

— Энергопушка готова! — воскликнул Летье, перекрывая
рёв двигателей. — Переключаю автоматическое слежение
на локаторы!

— Есть контакт!
— Переключаю систему маневрирования на локаторы! —
крикнул Корнев. — Закрепитесь прочнее, будет болтать! Тони,
контакт!

— Есть контакт!
Теперь «Буревестник» был готов самостоятельно бороться
с метеорной атакой. Астронавтам оставалось только наблю-
дать, как сложится их судьба. Бруно видел на экране косые
зелёные штрихи, быстро размышлял: «Это не страшно — такие
линии прочерчивают пролетающие стороной метеоры». Но вот
появились точки разной яркости. Они медленно плыли
навстречу. Это было опаснее: радиолуч отбивается от метео-
ров, летящих или к кораблю, или от него. Чёрт! Он впился
пальцами в перила: две точки медленно, очень медленно,
расползались на экране в разные стороны. Вилка! Мимо?
Или...

В этот момент включилась система маневрирования. Дви-
гатели затихли.

Сплетённое ремнями тело Бруно повисло в воздухе,
его сразу прижало к левым перилам, занесло в сторону.
Набирая высокие тона, взвыли поворотные маховики.

«Буревестник» посторонился, пропуская метеоры. Снова
заработали двигатели. Корабль помчался с ещё большей ско-
ростью, отходя из опасной зоны. У астронавтов напряглись
мышцы, тело боролось с непосильным весом. Очки больно
врезались Аскеру в переносицу... У Корнева было такое чув-
ство, будто это не в корабль, а в его незащищённое тело готовы

Заговорил Корнев.

— Антенны автоматически следят за ракетой. Не выключай передатчик — иначе можем потерять тебя из виду. Препредели и сообщи расстояние до планеты. Приём.

Снова мёртвая пауза, ещё длиннее.

— Хорошо. Иногда посылайте сигналы слышимости. Лучше — телеграфным кодом... А вообще, скучное это дело — диалог на расстоянии в миллионы километров. Словно развариваешь с тугодумом. Придётся перейти на монологи... определяю параллакс планеты. Про расстояние сообщу через три минуты... — После паузы Летье доложил: — о прямой — пятьдесят восемь миллионов километров, о моей траектории — около ста десяти миллионов, почти сутки полёта. Под влиянием антитяготения звезды ракета немного отходит от расчётной траектории. Впереди — прежнему пустота и пространство. Передачу кончаю, ничего нового больше нет. Следующая через три часа. Конеч.

Корнев и Аскер эти три часа по одному дежурили у динамика. Время от времени Тони насвистывал, потом стал декламировать стихи:

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.

Пустота...
Летите,
в звезды, врезываясь.

Ни тебе аванса,
ни пивной.

Трепвость.

— Чьи это стихи? — поинтересовался Бруно.
Ответ пришёл через минуту:

— Владимира Маяковского, физик. Не знать такого поэта!

— Нет, почему же! «...певец кипячёной и ярый враг воды сырой» — процитировал Бруно.

— «Профессор! Снимите очки-велосипед! Я сам расскажу о времени и о себе!» Прямо о тебе сказано! — донеслось через минуту и десять секунд. — О времени и я тебе ещё расскажу, положки. И об антивремени... Ох, чёрт! Глыба! — Наступила пауза. Потом послышалось и стихло резкое шипение двигателя. А ещё через минуту раздался спокойный голос Летье: — «Ласточка» — просто молодчина. Только что мы с ней уклонились от болида величиной с небоскрёб. И откуда он явился! До зова, по-моему, ещё миллиона полтора километров. После паузы послышалось: — Вортемолик аротлоп анидлим... — Голос плавно затих.

— Что? Что? — насторожился Бруно. — Повтори. Приём!

— Плохо слышно? — после паузы снова раздался голос пилота. — Я сказал, что уклонился от болида. Кстати, положе, что он — первая ласточка, точнее — первый летающий слон. Радиолокатор обещает ещё. Передачу прекращаю. Будет некогда. Конеч!

Из динамика послышалось неистовое шипение: это Тони

включил двигатель. Шипение то стихало, то становилось громче. Иногда доносился щелчок — это переключалось реле. Ракета маневрировала где-то там, в двадцати с лишним миллионах километров от «Буревестника», пробираясь через пояс метеоров.

Корнев и Бруно напряжённо стояли у динамика.

Прошло больше двух часов. Шипение наконец прекратилось.

— «Буревестнику!» — раздался бодрый голос Летье. — Как слышите? Пояс прошёл. До планеты семьдесят миллионов километров по моей траектории. Впереди — пустота...

— Молодец, Тони! Слышим хорошо! Отдохни теперь, переключи управление на автопилот! — облегчённо вздохнув, закрычал в микрофон Иван.

«А слышим не всегда хорошо... — Бруно вспомнил недавнее невнятное бормотание. — Надо включить магнитную запись». Он вставил в магнитофон, вмонтированный в стене, бобину с чистой плёнкой и подсоединил его к приёмнику.

— До планеты 56 миллионов километров по моей траектории, — сообщил Летье через восемь часов полёта. — Иду по прямой. Немного относит антигравитация звезды. Вижу почти весь диск планеты, только верхняя часть ещё в ночи. Апло, земляне! Выключите, ради бога, свои позывные. Сдуреть можно. Дайте лучше музыку! Эфир чистый, я и так вас ни с кем не перепутаю. Приём!

Экран телескопа ракеты «Ласточка» показывал приплюснутый сверху мутно-оранжевый шарик. По нему плавали размытые бурями пятна. Летье подумал: «Почти как Марс, когда к нему летишь от Земли.

От Земли, — повторил он одними губами. — Какая ты там теперь, планета Земля?»

Пилот откинулся на спинку кресла, лёг поудобнее. Тело не устало — невесомость не напрягала мышц. Устал мозг, устали нервы, немного дрожали руки. «Это после прохождения пояса», — вяло подумал Тони. Теперь впереди были

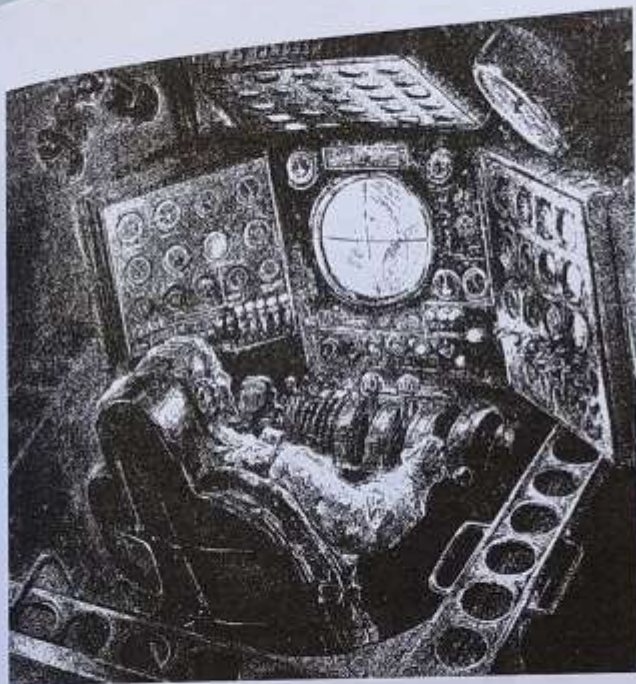
и гордую симфонию человеческого движения... Они полетят, непременно! И те, кому придётся мчаться за сотни парсеков, а возвращаться через тысячелетия, — тоже полетят. А другие будут думать над тем, как летать в дальние миры не за тысячу лет, а за дни, — и откроют эту тайну. Всё зависит от людей!

...Тони открыл глаза. Россыпи звёзд, красный глаз Антареса, чёрная дыра Г-1920, оранжевое шербоатое пятно планеты, жёлтое лохматое джессолнце позади... «Невероятный мир. Ну и занесло же нас!» — подумал Тони.

Мятая и призывная музыка финала концерта Грота ещё звучала в кабине ракеты. Тони тихо подпевал мелодии. Нет, никому он не расскажет о своей слабости, нерешительности в последний час на Земле, о своих мудрых и осторожных сомнениях. Вперёд, человек! Вперёд, умный труженик, боец, беспокойный искатель, который никогда не удовлетворяет ни своего любопытства, ни стремления покорять и создавать. Вперёд, беспокойный и весёлый, гневный и гордый, упорный и сильный! И разве не величайшее счастье для человека — тяжёлое, но самоутверждающее движение вперёд?

— До планеты полмиллиона километров, — доложил Летье ещё через 19 часов. — Погасил скорость до 50 километров в секунду. Остальную погашу уже у самой Марины.

Приборы показывают небольшой перерасход топлива в результате гравитационного отталкивания. Курс — прямо к центру планеты, иначе относит в сторону.

— Ты слышишь? Слышишь? — шёпотом выдохнул Бруно, до боли сжав капитану плечо. — Накладывается что-то... Это не помехи!

— Слышу, — прошептал в ответ Иван. Он слушал и не верил себе: к голосу Тони примешивалось едва уловимое, но чёткое бормотание на непонятном языке. Как будто две радиовещательные станции работали на близких волнах. — Включи дублирующий приёмник, поинчи волну второго передатчика.

«Неужели там какие-нибудь существа?»

— Планета сейчас освещена на три четверти. Зрительно она размером такая, как Луна, когда на неё смотришь с Земли. В телескоп ничего не разобрать. Оранжевые облака, какая-то непроницаемая красная муть.

и другими приборами отделился от носа звездолёта. Астронавты оттолкнули его ногами — он поплыл в пустоте, медленно опрокидываясь в оранжевых лучах звезды. После этого они проделали то же самое с кормовой обсерваторией и катапультной. Прогулялись по корпусу. Теперь от носа до чёрных сот аннигиляционных камер было только сорок шагов.

— Пока долетим до Земли, от «Буревестника» останется маленький огрызок, — отозвался Иван. — Метров двенадцать...

Бруно ничего не сказал.

Спустились в середину, разделись. Капитан поднялся по лесенке к пульту, включил маховики поворота. «Буревестник» дёрнулся, начал медленно разворачиваться в пустоте. Бруно тяжело взошёл на мостик, встал рядом с капитаном.

В овале экрана проплывали созвездия. Вот промелькнул красно-жёлтый Альдебаран, за ним снизу взошли гроздьё семь неярких звёздочек. Шесть из них образовали знакомый ковшик Плеяд. Седьмая, бело-жёлтая, ярче других — разместилась в центре ковша.

— Солнце, — тихо произнёс Бруно.

— Солнце...

Когда Солнце подошло к середине овала, Корнев переключил маховики. Звездолёт задрожал и замер. Оба молча сели в стартовые кресла. Капитан по привычке хотел подать в микрофон команду предстартового внимания, но вовремя спохватился. Досадливо поморщившись, нажал на кнопки двигателей. Мышцы почувствовали вибрацию звездолёта.

— Через шесть релятивистских лет будем дома, — сказал Корнев.

— Теперь, наверное, раньше. Через пять...

— Да, правильно, — быстро согласился Иван. — Долетим за пять... Впрочем, для нас всё равно: шесть или пять — в контейнерах сидеть. Дела не меняет. На Земле пройдёт почти сто лет.

Они помолчали.

— Ну, с этим я ещё поборюсь, — твёрдо сказал Бруно. — Разве это дело — улетать от людей на целые века? Теперь я представляю направление поисков: нужно преодолеть звездогн, скомпенсировать массу тел... И знаешь, Иван: нам ещё придётся вернуться сюда. Обязательно! Тони хотел, но вот... А он был прав: новую экспедицию сюда должны вести те, кто уже здесь побывал.

Корнев молча кивнул.

...Впереди, немного справа по курсу, горела в пустоте обманчивым оранжевым сиянием несуществующая звезда Г-1920. А настоящий чёрный шар уже невозможно было увидеть — белый столб огня, вырывающийся из звездолёта, заслонил его.

Вместо эпилога

(Из стенограммы заседания Комитета по астронавтике 27 ноября 2243 года. Заслушивается отчёт Виктора Крона, руководителя 3-й экспедиции к звезде Г-1920).

В КРОН. Таким образом, применение антимасс тоже не решает основной проблемы звездоплавания. Конечно, они дают возможность экономить горючее, развивать скорость, очень близкую к скорости света. Но от этого десятилетия, превращающиеся для астронавтов в месяцы или даже в секунды, не перестают быть десятилетиями здесь, на Земле, в чём мы, вернувшись, с сожалением и убедились...

Поэтому хочу напомнить вам одну гипотезу исследователя Бруно Аскера, участника двух первых экспедиций к Г-1920. Коротко, только суть, теперь это весьма кстати.

Каждое скопление веществ (а мы уже знаем шесть типов веществ во Вселенной) создаёт вокруг себя пространственное поле, или, попросту говоря, пространство с вполне определёнными свойствами. Движение тел в таком пространстве подчиняется либо механике Эйнштейна, либо подобным ей механикам так называемых «зеркальных» и «анти-» пространств. Общим для всех них является положение о том, что двигаться со скоростью выше скорости света в вакууме невозможно.

ГОЛОС. Между прочим, эта гипотеза Аскера полностью противоречит другой его гипотезе о «вязком пространстве»... Старый Бруно оставил слишком много гипотез!

В. КРОН. А вы хотели бы, чтобы он сразу высказал не гипотезу, а истину в последней инстанции. Да ещё в вопросе, в котором мы до сих пор не можем разобраться?!

(Председательствующий просит исследователя Крона не отклоняться от темы, а присутствующих воздержаться от реплик до конца доклада).

Хорошо... Собственно, мне осталось рассказать об эксперименте по проверке этой гипотезы Аскера. Подробности описаны в нашем отчёте, скажу только суть. Мы выбрали метеор с антимассой среднего значения — вокруг него тоже была ощутимая пространственная оболочка — и в течение двадцати дней щедро облучали его мю-мезонами. Как вы знаете, эти частицы, возникнув, живут миллионные частицы секунды. Стоит ли говорить о том, что вокруг метеора мы расположили счётчики и всевозможную регистрирующую аппаратуру? Оболочка исправно поглощала мезоны, а потом, когда насытилась, — лопнула! Это был фейерверк мезонов, я вам скажу! Счётчики чуть не вышли из строя. *(В зале движение.)* После этого оболочка метеора восстановилась и, как и прежде, поглощала частицы.

ГОЛОС. А может быть, только трое?

В. КРОН. Нет, их было шесть, и каждый сделал, что мог!.. В этой борьбе — мы все целиком, как есть: с нашими знаниями и мечтами, с удачами и ошибками, с нашей смелостью и осторожностью, с нашим прошлым и будущим, — а не просто абстрактный мозг! *(Аплодисменты.)* Ведь речь идёт о прекрасной возможности: летать со сверхсветовой скоростью, сделать домом человечества не только Солнечную систему, но и всю большую Вселенную! Не хотел бы я дожить до таких лет, когда стану равнодушным к этой мечте многих поколений. *(Аплодисменты.)* Что касается моего отца, астронавта Антона Летье, который пропал в оболочке планеты...

ГОЛОС. Может, всё-таки погиб?

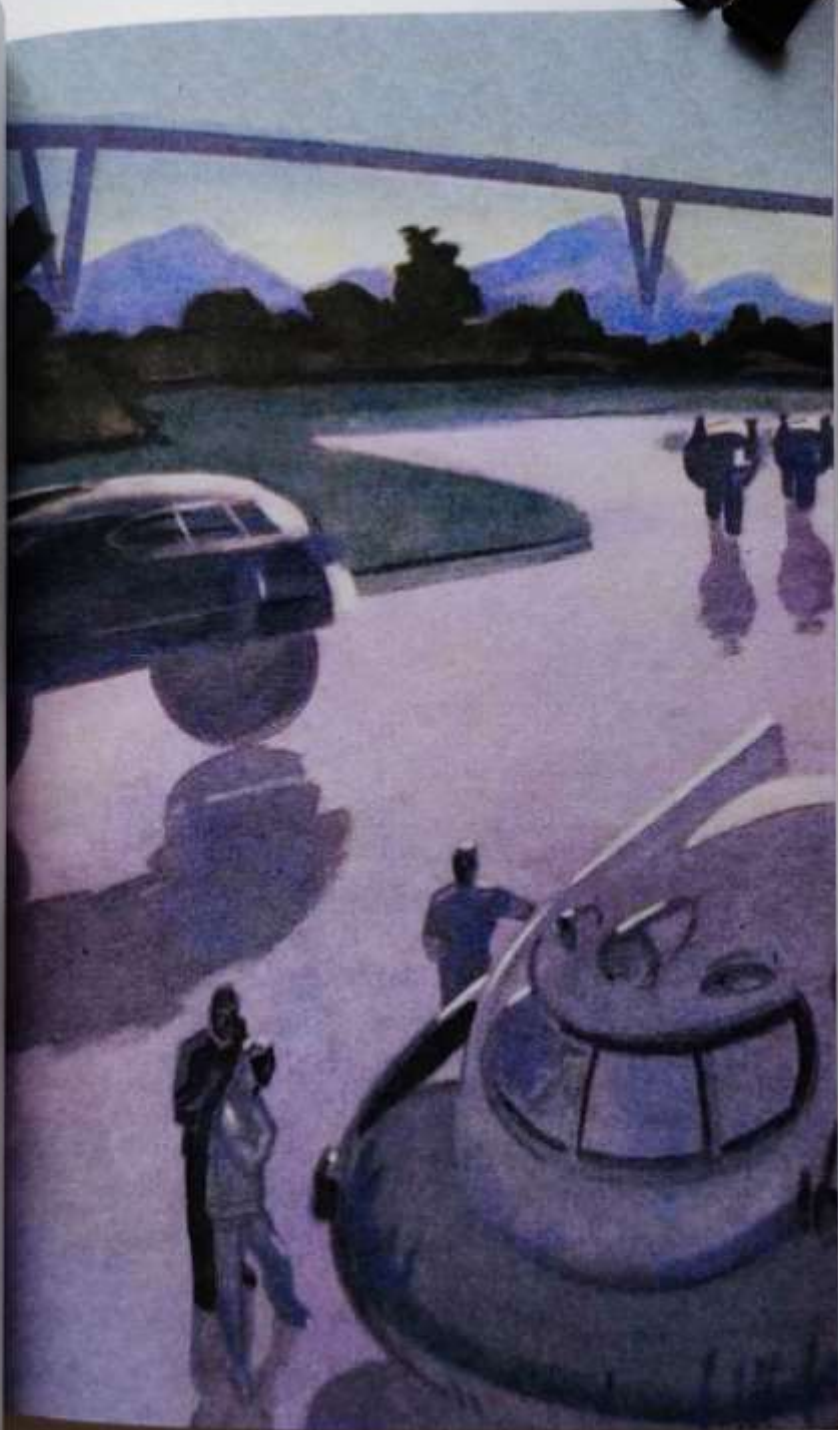
В. КРОН. Который пропал в пространственной оболочке планеты Марины у Г-1920, то... что мы можем сказать о смерти, которой никто не видел, да ещё в условиях, в которых никто больше не оказывался? Только одно: это ещё не достоверный факт!

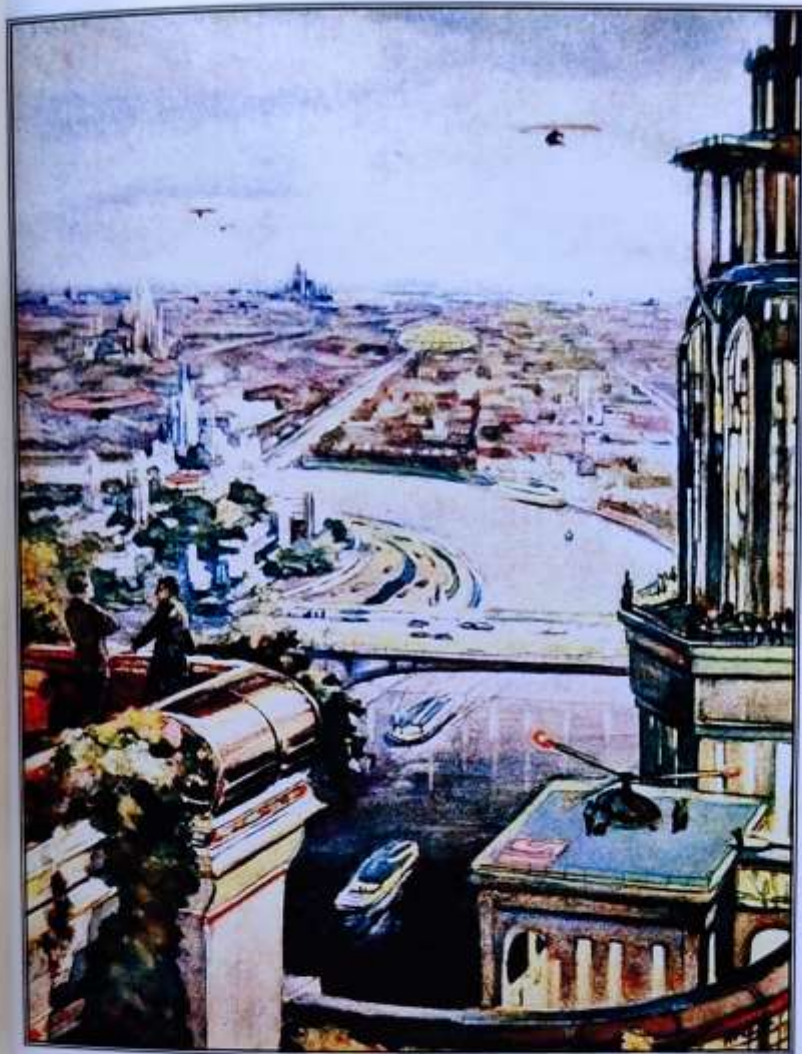

ПРИЗНАКИ

**ПРИВИДЕНИЕ
ВРЕМЕНИ**

(Отрывок из научно-фантастической повести)

ПРИВИДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

*Журнал «Наука та життя»,
1962, №№ 11, 12; 1963, №№ 1, 2
(на украинском языке).*

*Иллюстрации С. А. Григорьева, Н. М. Кольчицкого,
А. С. Сысоева, Н. В. Железняк, Ю. П. Реброва,
А. Орлова, Ю. Г. Макарова, Н. А. Рацектаева,
И. Фридмана*

ВОЛОДИМИР
САВЧЕНКО

ПРИВИДЕ ЧАСУ

Науково-фантастична повість

ВИДАВНИЦТВО „МОЛОДЬ“
КИЇВ 1984

В десяти с лишним парсеках от Солнца мчится в холодном пространстве маленькая жёлто-оранжевая звёздочка, принадлежащая созвездию Тельца. Она настолько неприметна, что даже не имеет названия, только номер в каталоге Гумбриджа: Г-1920. Невооружённым глазом её можно увидеть только с Луны, на которой не препятствует атмосфера. Звёздочка несётся к дальней группе Плеяд с необычайно большой для системы Млечного Пути скоростью — 360 км/сек. Астрономы Михайлов и Архангельский обработали результаты наблюдений за движением Г-1920 и пришли к выводу: тело, движущееся по траектории звезды Г-1920 с такой скоростью, не может принадлежать к галактической системе Млечного Пути. То есть Г-1920 прилетела из другой галактики. Михайлов и Архангельский даже определили, из какой именно — из спиральной галактики М-33 в созвездии Треугольника.

Внегалактическая гостья в нашей системе! Сотни миллиардов лет развивались две галактические системы: Млечный Путь и М-33. Разделённые невероятно большим расстоянием, они были, в сущности, изолированы друг от друга, поскольку едва ли можно считать взаимовлиянием те слабые лучи света, которыми обменивались эти огромные сгустки материи, — лучи, которые улавливал только телескоп. Всё ли происходило здесь и там по одинаковым законам?

Двести восемьдесят тысяч парсеков до М-33 — почти миллиард световых лет. А тут, почти рядом, в каких-то десяти парсеках — звезда оттуда... Путешествие к ней было равнозначно невозможному даже в фантастически далёком будущем полёте к М-33. Совершенно очевидно, что для науки это представляло несравненно больший интерес, чем полёты к «обычным» звёздам.

Но... «какие-то десять парсеков» даже луч света проходит за тридцать три земных года! Людям на это путешествие пришлось бы потратить более семидесяти лет. Было ясно: человек не способен выдержать такой полёт. «Лет через 40–50, — уверяли специалисты, — когда удастся повысить скорость звёздных машин до 0,95 от световой, люди смогут удовлетворить своё любопытство по отношению к Г-1920».

...Тогда они — Корнев и ещё восемь товарищей — сказали всей Солнечной: «Мы летим к звезде Г-1920. И не через полвека, а сейчас — на звездолёте «Фотон-4» с обычными двигателями, развивающими скорость всего 0,8 от световой». Их некоторые называли героями, безумцами, невеждами... Когда же поставили проект Корнева на голосование, человечество Солнечной проголосовало: «За полёт!»

Подготовка экспедиции заняла много времени. Они вылетели 15 лет назад по земному счёту времени. Старт был дан с выводящей станции на Плутоне. От Солнца удалась, выбрасывая голубые столбы пламени, трехсотметровая герметичная цистерна с мощными аннигиляционными двигателями. На три четверти эта цистерна была заполнена аннигилирующим топливом, одну восьмую занимал склад с разнообразными материалами, продуктами, инструментами, приборами. А в носовом отсеке разместились девять астронавтов — семь мужчин и две женщины.

Шари Синг, войдя в комнату, взглянул на капитана чёрными глазами, пригладил пятернёй буйную шевелюру и ответил на вопрос Корнева раньше, чем тот успел его задать.

— Всё то же самое! Яркость звезды не увеличивается. Ни в одной части спектра. Следовательно, эффект Доплера здесь ни при чём.

— Включить освещение? — спросил Шари.
— Нет, пусть привыкают глаза.

Они наощупь нашли сиденья, закрепились в них ремнями. Синг включил противовращение шара обсерватории.

Звёзды замедлили свой головокружительный бег, но вместо этого появилось приторное ощущение стремительного падения — сказывался переход к невесомости. Корнев поморщился, чувствуя, как его тело покрывается потом, а во рту скапливается слюна, и через силу улыбнулся. На чём он только не летал, но так и не победил в себе приступов «космической болезни».

За прозрачной полусферой ярче всех пылал Альдебаран. Из-за огромной скорости «Фотона-4» он казался не жёлто-красным, как с Земли, а бело-голубым.

— Видишь, какой он стал яркий, — указал Шари. — Сразу чувствуется, что до Альдебарана уже не 12 парсеков, а только 7. А наша Г-1920...

Через несколько минут их глаза привыкли к темноте, и при свете звёзд можно было различить не только контуры многообъективного телескопа, похожего на дерево с обрубленными ветвями, но и шкалы приборов, риски делений на микрометрических нониусах. Закончился и переход к невесомости. Теперь они как будто покоились в неощутимо лёгкой

воде. Шари поискал в столе, выбрал наиболее чувствительный фотозлемент и стал проверять его по стандартной световой точке.

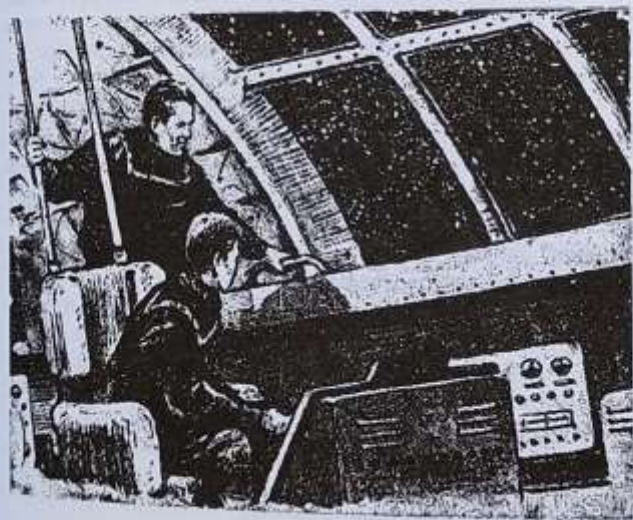
Корнев склонился к окуляру. Россыпь звёзд в объективе телескопа стала гуще, однако он легко отыскал у самого перекрестия окуляра неяркую звёздочку. Огромная скорость звездолёта превратила её из оранжевой в бело-голубую.

«В чём же дело? Плохо, что мы не вели непрерывные наблюдения за ней с начала полёта — обычная психология путешественника: зачем издали наблюдать то, на что можно будет вволю насмотреться вблизи? К тому же астрономы знали эту звезду больше ста лет, и никто не замечал у неё колебаний яркости, как у переменных звёзд».

Шари тем временем приладил новый фотозлемент к спектроскопической приставке телескопа, настроил её.

— Посмотри, Иван.

Корнев увидел на экране радужные полосы спектра. Безусловно, яркость звезды уменьшилась по сравнению с земными данными. Раза в четыре, по крайней мере... Это было так неожиданно и необычно, что сначала капитан даже не почувствовал замешательства. «Мы же летим к звезде, а не удаляемся от неё! Такого не бывает: звезда, одинаково светящаяся

вопроса, то в этом есть резон. Принимаем ли предложение Летье? — обратился капитан к команде.

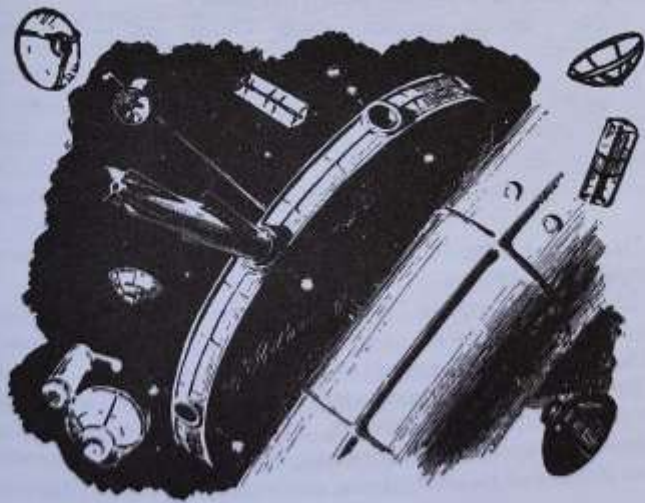
— Принимаем, — послышались голоса.

— Теперь — конкретно, — продолжал ободрённый Летье.

— Я предлагаю...

— Время терпит, — остановил его Корнев. — У нас впереди девяносто пять суток торможения. Сейчас начнём разгружать «Фотон». Оставить нужно самое необходимое для трёх человек. Остальные — в пространство! Кроме того, пусть каждый обдумает предложения и доказательства в пользу того или иного кандидата. Это решение тяжёлое и сложное для нас. Торопиться не стоит. — Капитан поднялся на ноги. — За работу!

Это была страшная обязанность — разрушать то, что сделано собственными руками. Каждому астронавту пришлось выбрасывать именно то, что в прошедшие годы полёта он сам проектировал, собирал, на что тратил силы, умение, изобретательность.

Всё вроде бы шло хорошо. Правда, астронавтов смутило открытие, сделанное Корневым. Это произошло через две недели после наблюдений Бруно. Однажды — это было условное утро — Летье и Бруно, прибиравшиеся в рубке управления, услышали в динамике команду:

— Внимание! Закрепитесь, приготовьтесь к маневрированию. Корабль ложится на поперечный курс.

Взвыли, набирая обороты, маховики. «Фотон» начал медленно поворачиваться. Затем ударили струи аннигиляционного огня в двигателях, осветив рубку мигающим белым светом... Тони и Бруно, быстро освободившись от ремней, направились к Корневу, чтобы узнать, в чём дело. Они столкнулись с ним в коридоре — капитан спешил в кормовую обсерваторию.

— Прошу за мной! — крикнул он на ходу.

В обсерватории Корнев ловко и быстро пристроил к окуляру телескопа усиливающий электронно-лучевой экран. Тёмно-зелёный овал открыл редкую россыпь звезд, среди которых ярко пылал Антарес, красный гигант, который должен был служить ориентиром для обратного полёта. Левую часть экрана заполняли облака — клочья далёкой пылевидной, причудливо светящейся туманности.

— Смотрите, — взволнованно сказал Иван. — Слева от Антареса. Внимательно смотрите.

По светлой полосе туманности ползло чёрное пятнышко. Прошло несколько минут. Пятно ползло и — вдруг закрыло Антарес!

— Г-1920! — вырвалось у Бруно. — Настоящая!

Через десять минут снова заблестел гигант, вынырнув из-за чёрного пятна, которое растаяло в пространстве.

— Да... пять угловых секунд, — отсчитал капитан по координатной сетке экрана. — Угловые размеры совпадают с видимой лжезвездой. Увидели, наконец!

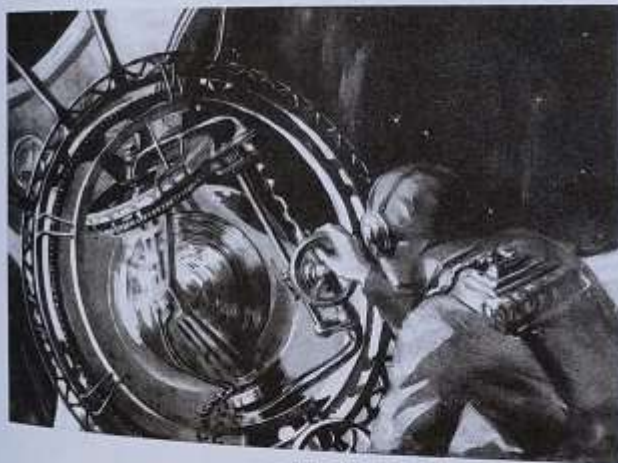
Затем Корнев новым манёвром направил звездолёт на обратный курс. И снова через полчаса тёмный сгусток материи закрыл звезду, проплыл сквозь клочок туманности и исчез с экрана... Сквозь прозрачный купол обсерватории с одной стороны было видно жёлто-оранжевое сияющее ничто; с другой — висела в пространстве, впитав в себя лучи, ещё не видимая простым глазом настоящая Г-1920.

А ещё через 19 дней повезло Тони. «Фотон-4» приблизился к звезде Г-1920. Её чёрный диск теперь можно было увидеть на искрящемся фоне звезд и туманностей без телескопа.

Скорость корабля снизилась почти наполовину. Была середина условной ночи. Корнев и Аскер спали в подвесных койках. Тони сидел в обсерватории, время от времени поглядывая в окуляр телескопа. И вдруг товарищей разбудил его крик, раздавшийся в динамиках:

— Планета! Планета!

Капитан и физик вскочили на ноги. И, как были, босиком, прибежали в обсерваторию. Тони, как волчок, вертелся вместе с телескопом. Он включил противовращение, и теперь то навёл трубу на оранжевый воображаемый свет Г-1920, то вращал её на сто восемьдесят градусов, всматриваясь в окрестности чёрного диска. Из обсерватории веяло холодом.

судьба. Бруно смотрел на экран. Зеленоватые линии — это не страшно: их прочерчивают на экране летящие в сторону метеоры. А вот медленно плывущие по экрану пятнышки разной яркости — это уже опаснее: радиолуч отбивается от тех метеоров, которые летят либо к кораблю, либо от него...

«Поздно... Сейчас попадёт. — И вдруг к чувству ужаса добавилось необычайное любопытство: — Как метеор будет взаимодействовать с нашим веществом?»

Удар неожиданно оказался довольно слабым. В тот же миг облегчённо заревели двигатели. Рванувшихся было с кресел астронавтов прижала перегрузка... Ещё десять минут «Фотон» лихорадочно маневрировал и — вышел из зоны метеоров! Двигатели смолкли. Маховики раскрутили корабль вокруг оси, создавая центробежное тяготение.

Астронавты отстегнули ремни, встали, разминая затёкшие мышцы. Сверху спустился Корнев с позеленевшим лицом: перегрузка и невесомость давались ему тяжело.

— Ладно, и сами хороши... — вяло улыбнулся он, поймав на себе сочувственные взгляды товарищей. — Ишь, как осунулись за полчаса... Бруно, дай-ка сигарету.

— И мне, — попросил Тони.

Оба неумело, но жадно затягивались ароматным дымом. Бруно тоже закурил, подошёл к пульту:

— Если верить приборам — всё в порядке... Гм! Куда же попало?

— Что ты там кричал о пушке? — слегка заикаясь, спросил Тони.

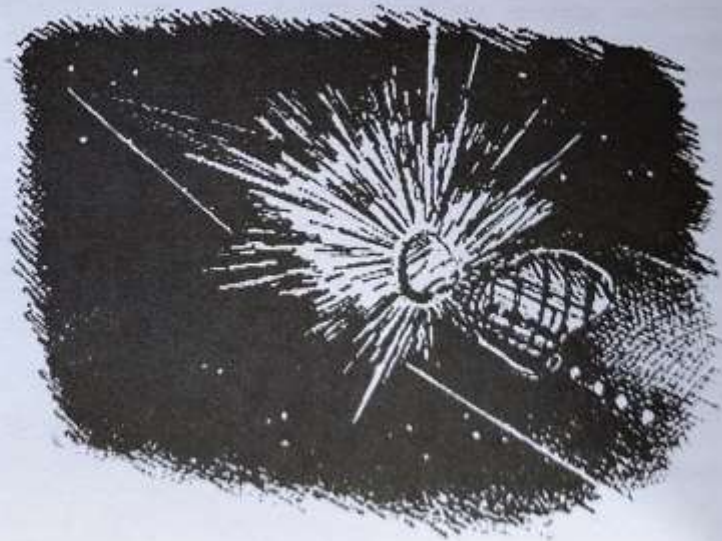
— А-а... — Бруно покачал головой. — Велика всё-таки инерция нашего мышления! Ведь поняли, что здесь антивещество. А как дошло до практического использования этого факта, дали маху! Энерголуч отталкивает тела обычной массы! А этот метеор мы не отбивали, а наоборот, с каждым импульсом разгоняли к себе...

— Пойдём, поищем, куда он попал, — сказал Корнев и погасил окурок.

Астронавты надели скафандры и начали осторожно обходить все отсеки. Метеор попал в бронеколпак обсерватории и пронзил его насквозь. Два отверстия в прозрачной броне точно повторяли друг друга: обезображенный треугольник с несколькими тупыми изломами на каждой стороне и двумя мелкими зазубринами. От дыр не расходились трещины, края не были оплавлены... Бруно взволнованно перебежал от одной пробойны к другой:

— Прекрасно, а? Как будто вырезано... Это не удар, не взрыв, не аннигиляция. Что это?

— Легко отделались, — сказал Корнев. — Залатаем, и обсерватория будет работать...

— Постой, не кипятись, — повернул к нему голову Бруно. — Даже если ты увидишь какие-то детали на планете, думаешь, ты поймёшь, в каком направлении там развиваются физические процессы? Ничего подобного!

— Ох, как вы остепенелись! — Тони яростно забегал по рубке. — Самое подробное теоретическое обоснование, что лететь на планету незачем. Может, и к звезде не стоило лететь, а? — Вдруг он что-то понял, успокоился, сел в кресло, положил ногу на ногу. Сказал размеренно:

— Слушайте, вы: старый хитрый Бруно и не очень старый, но всё равно хитрый Иван! За многие годы я немного научился читать ваши мысли. Так вот: я не верю в то, что вы сейчас так мудро излагали. Да и сами вы в это не верите... Если бы лететь на планету выпало вам, а не мне, каждый из вас нашёл бы столько же доказательств в пользу полёта, сколько сейчас вы находите против. Вы просто боитесь меня отпускать, да? Да, Бруно? — Он упрямо смотрел на физика.

Аскер не выдержал, отвёл взгляд.

— Вот видите! Быть вблизи планеты — и не взглянуть на неё! Это же целый новый мир, каким бы законам он ни подчинялся. Его нельзя не посмотреть. — Тони поднялся с кресла и закончил: — И лететь всё-таки мне!

Все молчали. Тони тихо повторил: «А всё-таки лететь мне!» И снова наступила тишина. Наконец Корнев сказал:

— Хорошо. Пусть будет так! — Взглянул на Тони.

Сутки отдыхать. А мы тем временем заправим ракету и ещё раз проверим управление...

Иван и Бруно ещё ползали в вакууме по рыболодному серебристому телу обвитой тжжами ракеты с финальной проверкой крепления антенн, а Летье уже устраивался в крохотной кабине на носу под колпаком из прозрачной брони. Затем капитан и физик перешли на перекидной трап.

Летье вопросительно посмотрел на них.

— Всё в порядке? — услышал Корнев его голос в наушниках.

Капитан кивнул. И снова, как когда-то во время разговора с Бруно, с досадой подумал о себе: как же он плохо разбирается в людях. Не понимал Бруно Аскера.

Считал Тони задирой, скептиком, насмешником — и только... Нет, он совсем не знал настоящего Антони Летье — астронавта, исследователя, бойца. Сейчас за рулями ракеты сидел человек, собравший в единый ступок свободу, энергию, мысль и умение для поединка с Неизвестным. Даже лицо у Тони изменилось: оно словно затвердело, исчез иронический прищур глаз, губы плотно сомкнуты. Только дымчатые глаза светились дерзко и весело, когда он смотрел вперёд — туда, где среди рассыпанных звёзд чернел ступок Г-1920.

Человеку, который идёт на опасное дело, не говорят лишних слов. Товарищи в приветствии подняли руки. Тони сделал такой же жест.

— От борта! — услышали Корнев и Бруно его голос.

— Есть от борта!

Они втянули в люк перекидной трап, вошли в «Фотон», задрали люк. Корнев взялся за рукоятки манипуляторов. Теперь ракета свободно висела в гнезде. Вот Тони точным движением пристегнул к кистям рук пояски командных биоэлектрических датчиков, удобнее устроился в кресле, выжал атомное сцепление. Двигатели ракеты тоненько заплели.

— Пилот Летье? — спросил Корнев.

— Готов.

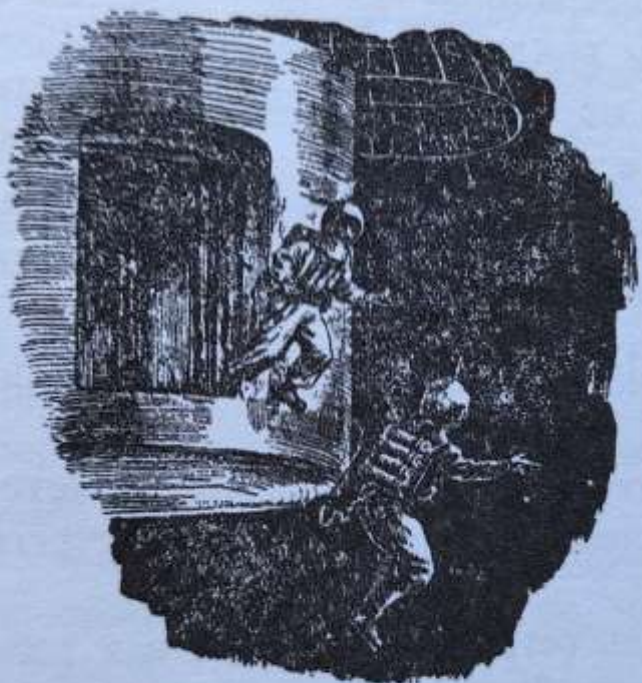
— Разрешаю старт.

...не выдержал, отвёл взгляд.
— Вот видите! Быть вблизи планеты —
на неё! Это же целый новый мир, каким бы зак
чинялся. Его нельзя не посмотреть. — Тони по
и закончил: — И лететь всё-таки мне!

Все молчали. Тони тихо повторил: «А где?
мне!» И снова наступила тишина. Наконец Кор
— Хорошо. Пусть будет так! — Взгляну

Сутки отдыха
временем за
и ещё раз про
ние...

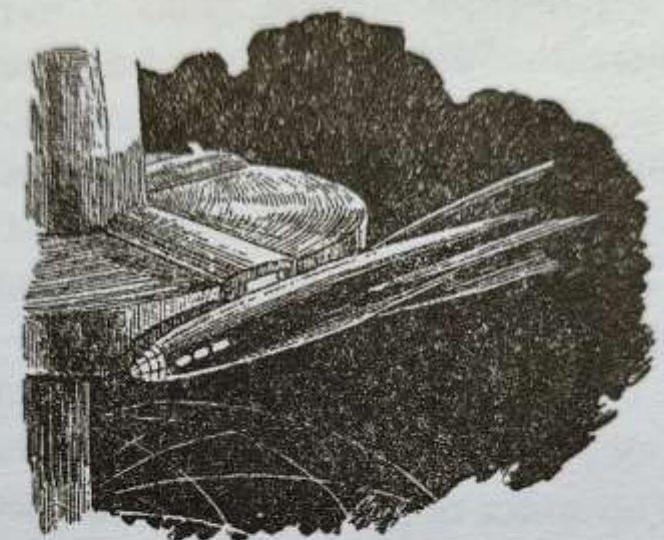
Иван и Бр
зали в вакуум
добному сереб
обвитой тяж
с финальной
крепления ант
уже устраивал
кабине на носу
из прозрачной
капитан и фи
на перекидной т

...ательно

...где? —
голос

... снова,
разго
осадой

... же он
людях.
Аскера.

скептиком, насмешником — и только...
настоящего Антони Летье — астро
сейчас за рулями ракеты сидел
свободу, энергию, мысль
с Неизвестным. Даже лицо
словно затвердело, исчез иронический
отно сомкнуты. Только дымчатые глаза
сел, когда он смотрел вперёд — туда,
звёзд чернел сгусток Г-1920.
идёт на опасное дело, не говорят лиш
приветствии подняли руки. Тони сделал

...ышали К...

ышали Корнев и Bruno его голос.

к перекидной трап, вошли в «Фотон»,
взялся за рукоятки манипуляторов.
о висела в гнезде. Вот Тони точным

нул
ски
че-
нее
кал
га-
ько

Мягкий толчок, иллюминатор затянуло серой светящейся пылью. Ракета вырвалась в пространство...

— ...Алло, «Фотон». Алло. Как слышите меня? — донёсся немного искажённый передатчиком голос Летье.

— Прекрасно, Тони. Как ты?

Пауза, за время которой радиосигнал преодолевал расстояние в миллионы километров, — до ракеты и от неё.

Корнев и Бруно стояли у динамика.

— Всё нормально. Скорость — 1200 километров в секунду. Окончил первый разгон. Иду по касательной к краю метеоритного пояса. Слышу вас отлично... Локатор показывает благоприятную пустоту.

Заговорил Корнев:

— Антенны ведут автоматическое слежение ракеты. Не выключай передатчик, иначе мы можем потерять радиослед. Определи и докладывай расстояние до планеты.

Снова мёртвая пауза, ещё длиннее.

— Хорошо. Время от времени давайте сигналы слышимости, лучше — телеграфным кодом... Вообще скучно вести диалог на расстоянии в миллионы километров. Словно разговариваешь с собеседником-тугодумом. Придётся переходить на монологи... Определяю параллакс планеты. Расстояние доложу через три минуты...

— ...По прямой — пятьдесят восемь миллионов километров. По моей траектории — около 110. Ещё почти сутки полёта... Интересно пилотировать в поле антигравитации, ребята, — всё время сносит с расчётной траектории... Впереди по-прежнему пусто и просторно. Передачу заканчиваю, ничего нет. Следующая — через три часа...

Корнев и Аскер по очереди дежурили у динамика. Время от времени Тони насвистывал, потом начал декламировать.

— Вот это глыба! — Наступила пауза, в течение которой было слышно напряжённое шипение двигателя. Затем Летье заговорил почти спокойным голосом: — Ракета просто чудо. Что значит — любительская работа! Только что мы с ней избежали встречи с болидом величиной с небоскрёб. И откуда он взялся? До зоны, по-моему, ещё миллиона полтора километров...

После паузы Летье добавил:

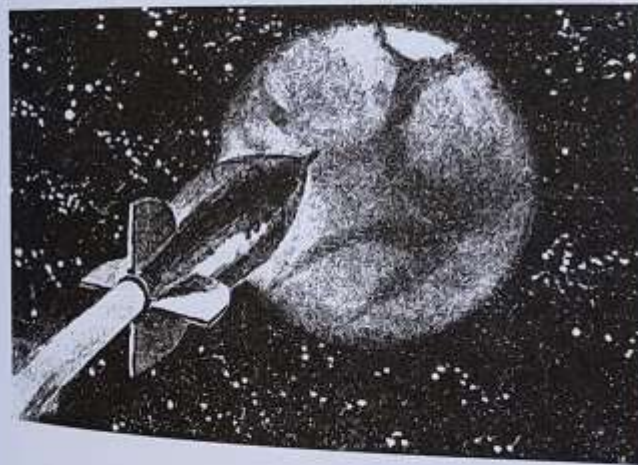
— Вормеблик аротлоп аноиллим... — Голос плавно затих.

— Что? Что? — насторожился Бруно. — Повтори.

— ...Плохая слышимость? — раздался снова нормальный голос пилота. — Я сказал, что уклонился от встречи с болидом. Кстати, похоже, что это первая ласточка. Точнее, первый летающий слон. Радиолокатор обещает ещё. Передачу прекращаю. Не будет времени...

Из динамика послышалось густое шипение — Тони снова включил двигатель ракеты. Иногда оно стихало, потом становилось громче; были слышны одиночные щелчки — искровые разряды переключающихся реле. Ракета маневрировала где-то там — в двадцати с лишним миллионах километров от «Фотона», пробираясь сквозь окраину метеоритного пояса.

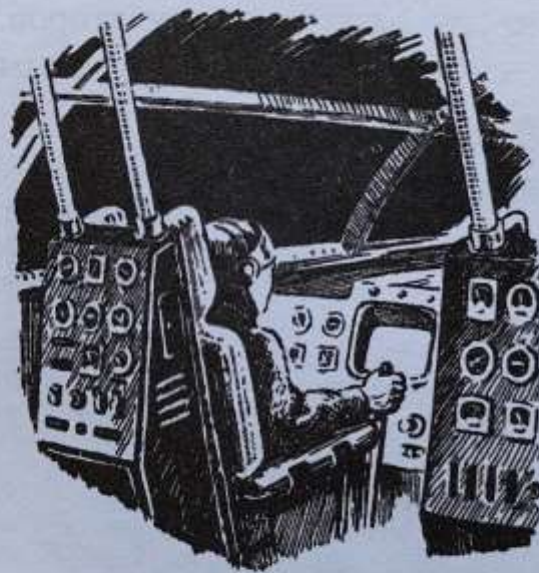
Корнев и Бруно напряжённо ждали у динамика. Прошло более двух часов. Шипение утихло.

— Антенны ведут автоматическое слежен
Не выключай передатчик, иначе мы можем поте
след. Определи и докладывай расстояние до планет

Снова мёртвая пауза, ещё длиннее.
— Хорошо. Время от времени давайте сигнал
сти, лучше — телеграфным кодом... Вообще с
диалог на расстоянии в миллионы километров. С
вариваешь с собеседником-тугодумом. Придётся
на монологи... Определяю параллакс планеты
доложу через три минуты...

— ...По прямой — пятьдесят восемь миллион
ров. По моей траектории — около 110. Ещё
полёта... Интер

ровать в поле
ребята, — всё
с расчётной
Впереди по-пре
и просторно. Пе
чиваю, ничего
щая — через три

Корнев и А
реди дежурили
Время от вр
насвистывал,
декламировать.

— Уф-ф! — послышался громкий вздох Летье. — Эй, там на «Фотоне»! Как слышите? Пояс прошёл... До планеты — семьдесят миллионов километров по моей траектории. Впереди — пусто...

— Молодец Тони! Слышим хорошо. Отдохни теперь, переведи управление на автопилот, — облегчённо закричал в микрофон Корнев.

... — До планеты — 42 миллиона километров по моей траектории, — сообщил Летье через пятнадцать часов полёта. — Иду по прямой. Немного сносит антигитогение звезды. Вижу почти весь диск планеты, только верхняя часть ещё накрыта ночью.

В телескоп ракеты был виден немного сплюснутый сверху мутно-оранжевый шарик. По нему плавали мелкие бурые пятна. Летье подумал: «Почти как Марс, когда летишь к нему от Земли. От Земли, — повторил он одними губами. — Земля. Далёкая-далёкая планета, а нет во всей Вселенной места более близкого и родного».

Пилот улыбнулся, откинул спинку кресла, уселся поудобнее. Тело не устало — невесомость не напрягала мышцы. Устал мозг, устали нервы. «Это после прохождения пояса», — вяло подумал Тони, моргая глазами. Теперь впереди были десятки миллионов километров пустоты; можно отдохнуть,

развяться. «Да, в поясе пришлось поработать. Я немного приврал ребятам — метеоры и здесь шли довольно густо. Ладно, всё обошлось. Когда полечу назад, надо будет выбрать обходную траекторию... Хоть и не хочется. Скорее бы в звездолёт — и домой, на Землю. И им тоже, пожалуй, не терпится. Устали все...»

Тони всматривался в простор. Россыпи звёзд, красный глаз Антареса, чёрная дыра

G-1920, оранжевое шербоатое пятнышко планеты, жёлтое лохматое псевдосолнце позади... «Невероятный мир. Ну и занесло же нас».

— Я на расстоянии полумиллиона километров от планеты, — сказал Летье во время очередной передачи. — Снизил скорость до 50 километров в секунду. Остальную погашу у самой цели — и так приборы показывают перерасход топлива из-за гравитационного отталкивания... Курс — точно в центр планеты, иначе относит в сторону. Звезда заметно подогревает корпус ракеты.

— Ты слышишь? Слышишь? — прошептал Бруно и больно сжал капитану плечо. — Что-то накладывается... Это не помеха.

— Слышу... — также шёпотом ответил Корнев. Он слышал и не верил: к голосу Тони примешивалось едва уловимое, но выразительное бормотание на непонятном языке. Как будто две радиовещательные станции работали на близких волнах. — Выключи дублирующий приёмник, поищи волну второго передатчика, — приказал он Бруно. («Неужели там какие-то существа?»)

— ...Планета сейчас освещена на три четверти. Зрительно она величиной с Луну, если смотреть с Земли. В телескоп ничего не разберёшь. Оранжевые облака, какая-то непроглядная красная муть. Досадно.

И снова за словами Летье послышался загадочный голос.

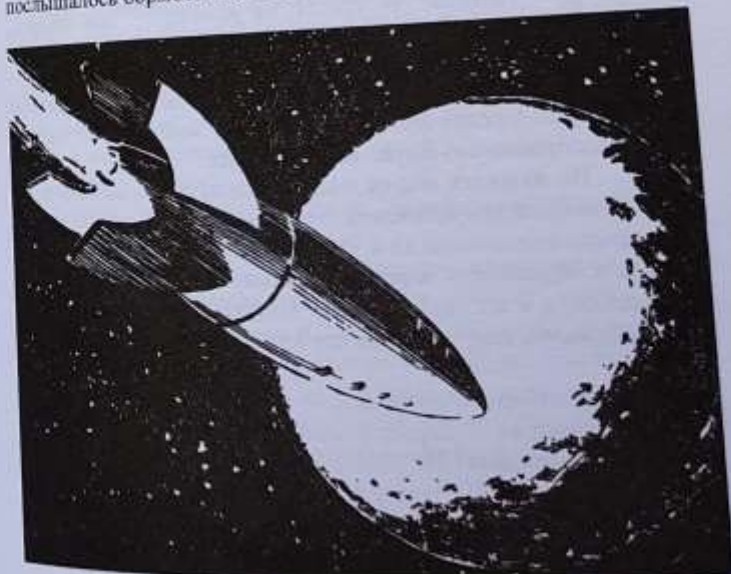
— Тони — внимание! — громко сказал в микрофон Корнев. — На твоей волне примешивается какая-то передача. Её направление — тоже от планеты. Внимательно следи за нашими сообщениями...

«Шестьдесят миллионов километров до него. Мой совет дойдёт через три с лишним минуты. Плохо, — Корнев озабоченно покачал головой. — За это время он пролетит ещё десять тысяч километров...»

— Не планета, а просто апельсин, — продолжал передавать Летье. — Сплошная оранжевая облачность. Хоть бы какой-нибудь просвет... Сейчас приставлю инфракрасную насадку к телескопу. Может быть, удастся найти зону прозрачности...

Некоторое время в динамике был слышен стук и позвякивание. Тони возился с насадкой. В эти секунды астронавты снова услышали отчетливые фразы чужеродного шёпота: «...итсончарорпи уноз итйан ятсаду тежом упокселет к укдасан юуисаркарфни юлва...» Затем снова громко заговорил пилот.

— Да! Вероятность увидеть здесь стариков, превращающихся в юношей и младенцев, равна нулю, ребята. Планета ещё не остыла. В инфракрасных лучах удаётся разглядеть моря из лавы... Бурлит планета. Однако о ходе времени пока ничего сказать нельзя. Есть движение в лавовых морях: воронки, какие-то вали перемещаются... Да разве поймёшь, в каком времени это происходит? В нашем, в противоположном или под углом? Может, если поближе, то рассмотрю всё подробнее и тогда... Ага! Вижу острова. Они раскалены, температура поверхности — градусов семьсот. Похоже, они плавают в море лавы... Что? — наконец услышал Тони голос Корнева. — Ерунда какая-то! Я же слышу только вас — и без накладки, совсем чисто... — ...месвос икдалкан зеб и сав окьлот ушьлс... — послышалось бормотание. Оно стало громче.

антигготение звезды или её планеты? Может... В их поступке не было другого обоснования, кроме извечного человеческого; а вдруг, если?... И Бруно, и Корнев были не новичками в космосе. Они понимали, что никаких «а вдруг, если» не будет, что могучие, но слепые силы Вселенной на мелочи не размениваются, и если уж что разрушают, то сразу всё.

Антигготение сносило звездолёт, но Корнев краткими включениями двигателей упорно возвращал его в предыдущую точку, в ту точку, с которой стартовала ракета Тони Летье.

На тридцать первый день капитан, не говоря ни слова, тяжело сошёл по лестнице к пульту, включил маховики поворота. «Фотон-4» вздрогнул, начал медленно разворачиваться в пустоте. Бруно тоже сошёл на мостик, встал рядом.

В овальном окне курсового телескопа медленно проплывали созвездия. Вот промелькнул ярко-жёлтый Альдебаран, за ним, снизу, плотной группкой взошли семь одинаково тусклых звёздочек. Шесть из них образовывали знакомый ковшик Плеяд. Седьмая — бело-жёлтая, чуть ярче остальных — разместилась в центре ковша.

— Солнце... — тихо и нежно произнёс Бруно. — Солнце...

Когда жёлтая звезда — Солнце — подошла к перекрестию телескопа, Корнев отключил маховики, звездолёт замер.

Оба молча сели в стартовые кресла. Капитан по привычке хотел было подать в микрофон команду предстартовой готовности, но вовремя спохватился и, с досадой поморщившись, нажал на кнопки двигателей. Вес, от которого они уже отвыкли, налил тела тяжестью. Тонкое, чуть слышное гудение заполнило звездолёт.

— Экспедиция окончена. Через шесть релятивистских лет будем дома, — сказал Корнев.

— Теперь, наверное, раньше. Года через четыре...

— Да, правда, — согласился Иван. — Долетим за четыре... Впрочем, для нас всё

равно: что шесть, что четыре — в контейнерах сидеть. Это дела не меняет. На Земле пройдёт почти сто лет, да?

Они помолчали.

— Ну, с этим я ещё поборюсь, — твёрдо произнёс Бруно. — Неправильно это — улетать на века от людей, от Земли. Теперь я знаю направление поиска: надо преодолевать инерцию, скомпенсировать массы тел... И знаешь, Иван: нам ещё придётся вернуться сюда. Обязательно. Тони хотел, да вот... А он был прав: новую экспедицию сюда должны вести те, кто здесь побывал.

Корнев молча кивнул.

...Впереди, немного справа по курсу, светилась в пустоте предательским оранжевым сиянием несуществующая звезда Г-1920. Её настоящий чёрный шар уже невозможно было увидеть: его закрывал белый столб огня, вырывающийся из звездолёта.

ВЛАДИМИР САВЧЕНКО
ИГОРЬ МОРОЗ

В 17:30 ОСТРОВ
ВЗЛЕТИТ НА ВОЗДУХ

Фантастический киносценарий

*Перевод с украинского
В. Тимошенко-Пастраки*

*Художник
А. Мисицкий*

*Журнал «Знания та праця» (Київ), 1961 з., № 12. — с. 21-26
В оформленні використані роботи
Klaus Birgler
О. М. Шухвостова*

**В 17:30 ОСТРОВ
ВЗЛЕТИТ
НА ВОЗДУХ**

Сценарій научно-фантастичного фільма

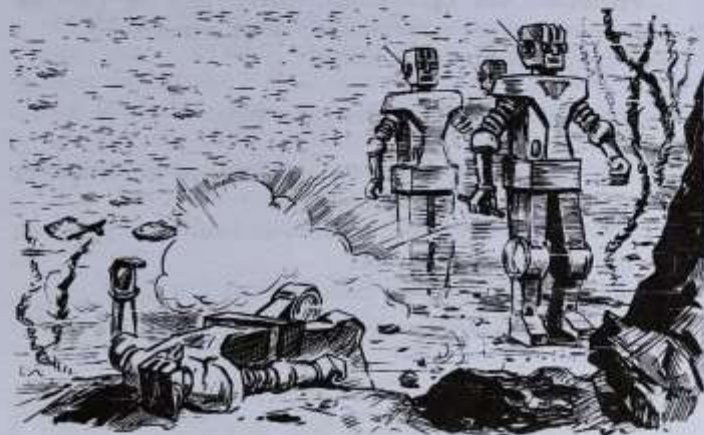

ЛИКОТЬ. Что за чертовщина?! (Быстро входит в домик, за ним — Горюнов и Жук.)

На ЦЭМ мигает красная полоса, громко звенят звонки. На экране: неподвижно застыли три кибера; лежит, почти полностью погруженный в светящейся слой мути, поврежденный четвертый; всплывают погибшие стебли фенореллы.

ЛИКОТЬ (взглянув на экран, испуганно кричит Жук). Что вы тут натворили?!

ЖУК. Принимал меры...

Ликоть торопливо переводит в исходное положение переключатели и рукоятки на пульте. Горюнов смотрит на экран.

ГОРЮНОВ. Действительно, «светится»... Люминесцентные микроорганизмы? Нет, не похоже... Ого! Смотрите! (Хватает инженера за руку. На телеэкране: стайка рыб подплывает к водорослям, начинает объедать. Сразу же рыб окутывает светящаяся муть. Они переворачиваются кверху брюшками, опускаются на дно.) Умертвляющая вода?..

ЛИКОТЬ. Отравленная?

ГОРЮНОВ. Кто знает?.. Нужен анализ...

ЛИКОТЬ (кричит в микрофон). КР-1! Провести исследование и сообщить о состоянии воды возле грунта! (С надеждой смотрит на экран. Но робот не шевелится). КР-2! Провести исследование и сообщить о состоянии воды возле грунта!

Горюнов ходит по помосту, смотрит из-под руки, потом бросает взгляд на часы.

Ликоть плывет, опустив голову в воду. Внизу, под ним, — расщелина, светящиеся клубы, темные тени неподвижных роботов. Рука инженера выдергивает из-за пояса тротиловую шашку.

Белая черточка на кольце взрывателя приближается к красной риску на диске. Рука разжимается.

Ликоть немного приподнимается на воде и оглядывается. Вдали — остров. Ликоть быстро плывет.

Трубка тротила опускается на дно возле расщелины.

На причале.

ГОРЮНОВ (смотрит на часы, на Ликотя, плавающего вдали). Не успеет... (Расстегивает рубашку).

Возле расщелины.

Свечение мутн усиливается. Лежит тротиловая шашка. Нарастает тиканье взрывателя...

Тротиловая шашка взрывается. Почти одновременно — взрывы в скважинах. Под водой вздымается облако ила, обломков, и падает на трещину. Все окутывает серая муть.

На поверхности океана возникает кольцевая волна. Расходится.

Причал уже недалеко. Волна настигает Ликотя, захлестывает его. Руки Ликотя бессильно падают.

Горюнов (он уже разделся) бросается в воду, ныряет. Впереди погружается тело Ликотя.

Волна настигает лодку Жука, подхватывает и швыряет ее на берег. Жук и собака падают со скамеек.

ЖУК (приподнимается, ошупывает себя). Цел! Ну и взрыв!.. От неминуемой смерти спасся... А те, бедняги...

Профессор втаскивает по лестнице неподвижное тело Ликотя, опускает на причал, начинает тормошить. Ликоть без сознания. Горюнов бежит в домик, возвращается с бутылочкой нашатырного спирта, подносит к лицу Ликотя.

ЛИКОТЬ (морщится, открывает глаза). Уф-ф, с этим вашим танталом — просто танталовые мухи...

Под водой.

Свечение в слое угасает, а затем исчезает и сама белая муть: сульфат уранила растворился в воде. Видно купол, столбики с сигнальными лампами, за ними — поредевшие ряды водорослей.

Сцена удаляется, теперь мы видим ее на телеэкране пульта ЦЭМ в домике.

ЛИКОТЬ. Алексей Иванович, а фенореллы-то еще много осталось! Урожай будет!

ГОРЮНОВ (озабоченно). Да... Но придется искать новые места для плантаций. Здесь будут добывать этот сульфат уранила.

ЛИКОТЬ. Ага, так и для этого надо будет делать киберов!.. Специальных, устойчивых к радиации. Да и вам подбросим... (иронически смотрит на профессора) этих «электронных умников».

ГОРЮНОВ (с неловкостью). Хватит вам! Знаете, кто старое вспомнит...

ЛИКОТЬ. Ну, ладно, ладно. Только чур — никаких жуков чтобы к роботам и близко не подпускали!

Слышно стрекотание вертолета. Горюнов и Ликоть выходят на причал. Над станцией повисает вертолет, падает вниз веревочная лестница. Горюнов и Ликоть поднимаются по ней.

Жук издали заметил вертолет, бежит к нему. За Жуком — собака.

ЖУК (машет руками). Эй, подождите! Я свидетель! Я все видел! Подожди...

(Вдруг замечает человеческие фигурки, поднимающиеся по лестнице. Останавливается). Как выжили?! Ой, и что же мне теперь будет?! (Хватается за голову. На руке — татуировка: «НЕТ В ЖИЗНИ ШАСТЬЯ»).

Горюнов и Ликоть садятся в кабину вертолета. Пилот поворачивается к ним, спрашивает:

— Ну как, справились? Все в порядке?

ЛИКОТЬ (переглядывается с профессором). Все в порядке. Вертолет поднимается над островом и летит вдаль.

ВИЗИТ СДВИНУТОЙ ФАЗИАНКИ

Фантастический рассказ

Художники

А. Басс

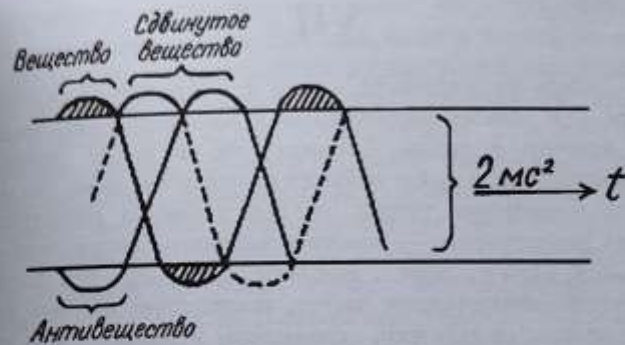
О. Блащук

ВІСНИК НАУКОВОЇ ФІЗИКИ
ВІСНИК НАУКОВОЇ ФІЗИКИ

*Первая публикация на украинском языке
в журнале «Наука-фантастика», 1991, №№ 1-2,
(под названием «Візит зсунутої фазіанки»)
Художники: О. Блащук (№ 1), А. Басс (№ 2).*

*В публикации частично использован перевод
В. Тимошенко-Пастраки (2018), частично —
текст, опубликованный в издании: В. Савченко
Визит сдвинутой фазіанки: Киев: Молодь, 1991 г.*

*В оформлении использована работа
С. А. Григорьева*

— Вот только в этих выступах, в эти малые доли периода мы овеществляемся, существуем, взаимодействуем с другими синхронными телами. Можем и с антисинхронными, с антивеществом, каковое строго в противофазе. Но в просветах между тем и другим, видите, сколько всего может вместиться? Просто, чёрт побери, сколько там всего сдвинутого по фазе на чуть-чуть и более... вот вам и разгадка, почему мало вещества и много пустоты. Не мало его, просто оно распределено по всем фазам. Его так много, мой дорогой собеседник, — незнакомец распрямился, откинул волосы и глядел на меня возвышенно, — что и на этом месте, где мы с вами беседуем, в те части периода, когда нас нет, всплескивается далеко не одно вещественное колебание, не один сдвинутый мир. Много! А среди них и тот, где томятся в стационаре мои друзья, летавшие к Вишенке, и тот, где мой дом, моя лаборатория, и, главное, тот чудесный мерцающий мир, в котором Она... и всё выходит так, что когда Она есть, меня нет, а когда я есть, её нет, тик-так, тик-так... эх, канальство! Ничего, ничего, молчание.

Незнакомец понурился, запустил в шевелюру тонкие бледные пальцы и стал горестно раскачиваться на скамейке.

Володимир
Савченко

Візит зсунутої ФАЗИ- АНКИ

Мак. О. Калашник

Мак. О. Калашник

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ
Фантастический рассказ
5

ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ
Научно-фантастическая повесть
33

ПРОБУЖДЕНИЕ ПРОФЕССОРА БЕРНА
Фантастический рассказ
249

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СТРАННУЮ ПЛАНЕТУ
Фантастический рассказ
269

ПРИВИДЕНИЕ ВРЕМЕНИ
Научно-фантастическая повесть
301

ПРИВИДЕНИЕ ВРЕМЕНИ
(Отрывок из научно-фантастической повести)
449

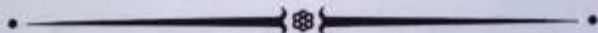
В 17:30 ОСТРОВ ВЗЛЕТИТ НА ВОЗДУХ
Фантастический киносценарий
495

ВИЗИТ СДВИНУТОЙ ФАЗИАНКИ
Фантастический рассказ
521

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ
Фантастический рассказ
5

ЧЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ
Научно-фантастическая повесть
33

ПРОБУЖДЕНИЕ ПРОФЕССОРА БЕРНА
Фантастический рассказ
249

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СТРАННУЮ ПЛАНЕТУ
Фантастический рассказ
269

ПРИВИДЕНИЕ ВРЕМЕНИ
Научно-фантастическая повесть
301

ПРИВИДЕНИЕ ВРЕМЕНИ
(Отрывок из научно-фантастической повести)
449

В 17:30 ОСТРОВ ВЗЛЕТИТ НА ВОЗДУХ
Фантастический киносценарий
495

ВИЗИТ СДВИНУТОЙ ФАЗИАНКИ
Фантастический рассказ
521

Литературно-художественное издание

Библиотека приключений и научной фантастики

Для среднего и старшего школьного возраста

Савченко В. И.

НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ
Фантастические новости и рассказы

Издательство «СПУТНИК™»
Дзуреченск, ул. Славная, 88

Подписано в печать 23.03.2023
Ответственный редактор А. Невструев
Генеральный директор издательства
所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии
с качеством представленного электрон-
ного оригинал-макета в типографии
ООО «Шер-Хан», сегмент Эпидия
пр. Голконды Таврической, 177

Литературно-художественное издание
Библиотека приключений и научной фантастики

Для среднего и старшего школьного возраста

Савченко В. И.

НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ
Фантастические повести и рассказы

Издательство «СПУТНИК™»
Дзуреченск, ул. Славная, 88

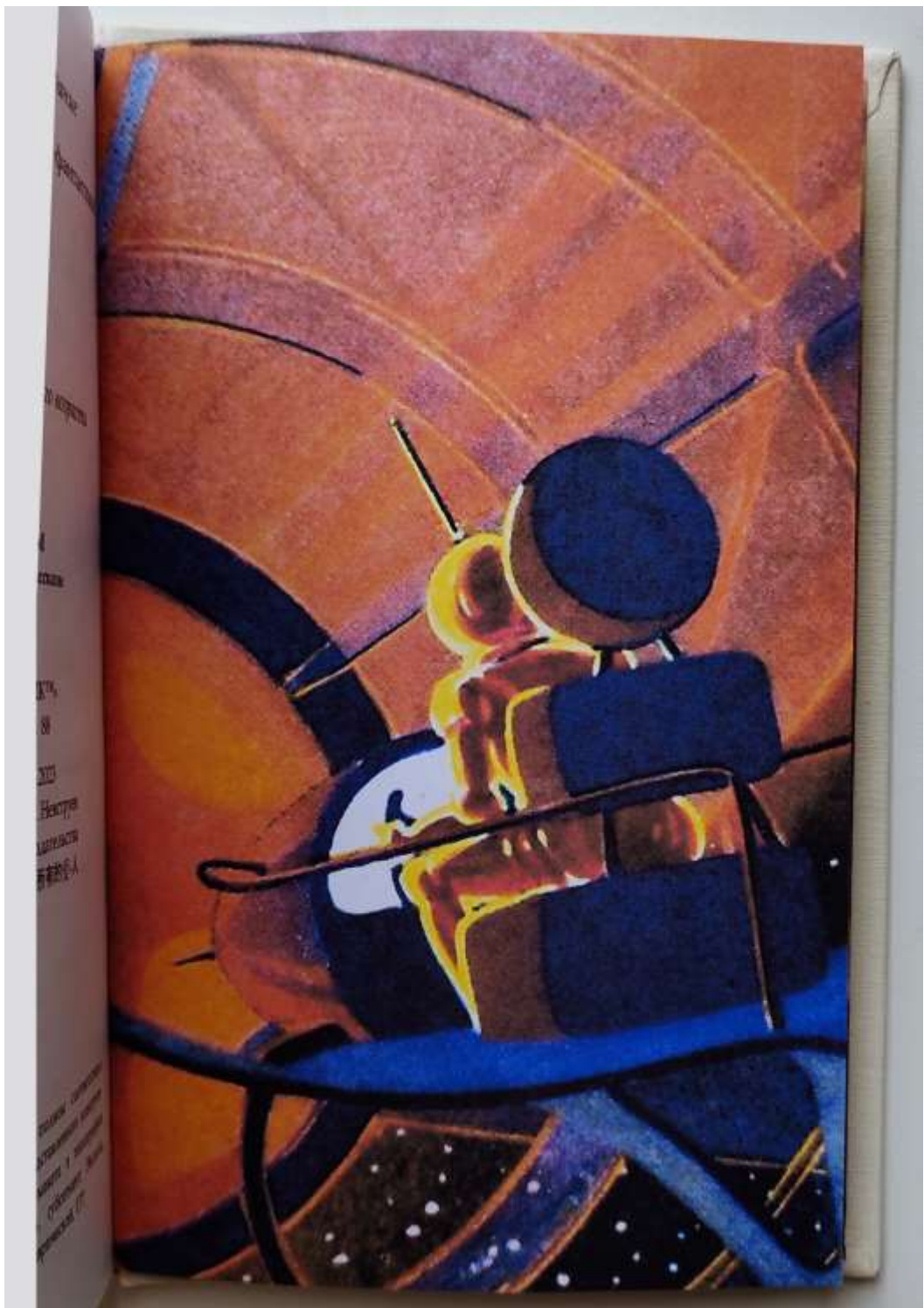
Подписано в печать 23.03.2023
Ответственный редактор А. Невструев
Генеральный директор издательства
所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии
с качеством представленного электрон-
ного оригинал-макета в типографии
ООО «Шер-Хан», сегмент Энлиль
пр. Голконды Таврической, 177

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

